

Валерий Столыпин

ИСПЫТАНИЕ БЛИЗОСТЬЮ

Рассказы о любви и интимных отношениях

18+

Валерий Столыпин
Испытание близостью

«Автор»

2020

Столыпин В.

Испытание близостью / В. Столыпин — «Автор», 2020

Возможности воображения настолько значительны, что в фантазиях человек способен совершать чудеса: изменять мир, преобразовывать действительность, творить. Например, летать. Имея достаточный опыт, совсем не сложно переноситься в иные миры, путешествовать во времени, любить и ненавидеть. Разыгравшееся воображение в активной фазе способно менять эмоциональное и психическое состояние человека, заставляет драматизировать и развивать события. Не успев узнать человека, влюбиться, неокрепшие духовно юные романтики переносятся в мир галлюцинаций, создают вымышленные чувства и эмоции, наполняют ими пространство вокруг, сгорают в пламени соблазнительных событий. Любовь всё преувеличивает, раскрашивает яркими красками. В этом и сила, и слабость романтических чувств. Однако, во всём важна мера. Союз, основанный исключительно на романтической любви и воображении, обречён на провал. Избыточное фантазирование, лишённое реалий, способно разрушить любые отношения.

© Столыпин В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Взрослые люди	5
Покаяние	9
Про дефицит витаминов и недостаток сна	14
Сладкая месть	15
О пользе секса	20
Пятнадцать секунд	28
Modus vivendi, или лет через тридцать	35
Счастье просто так	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Валерий Столыпин

Испытание близостью

Взрослые люди

*Ну, вот и всё, окончен год,
простились вроде...
А он сидит, чего-то ждёт – и не уходит.
И теребит мои ключи
в ладони красной...
Но я молчу – и он молчит:
и так всё ясно.
Анна Полетаева*

Ничто не предвещало грозу.

Был замечательный день, изумительный вечер, раскрашенный закатными переливами с оранжевым, алым и васильковым акцентом.

Такого огромного солнца, в половину неба, на фоне которого летела стая птиц, Сергей и Катя, кажется, никогда ещё не видели.

Настроение пело и плясало, тем более, что их ждали у подружки, которая наметила справить день рождения. Двадцать пять лет не каждый день случается.

У парочки ещё было время. Сергей уговорил жену досмотреть закатное шоу до самого конца. Натанцеваться они ещё успеют. Ведь пригласили к половине десятого. До Серены идти пешком не больше десяти минут.

Сергей прижал милую, празднично одетую супругу, притянул к себе её голову, поцеловал в ушко, в шею. Девушка поёжилась, посмотрела на мужа ласково-ласково, но словами выразила не восторг, а негодование, – причёску помнёшь, медведь.

– Как же хорошо мне с тобой, Катюшка, не представляешь. Так бы стоял всю жизнь на берегу этого пруда и не выпускал из рук своё счастье. Может, ну её, Серену, по телефону поздравим? Я так хочу побыть с тобой наедине. И вообще хочу, просто задыхаюсь от желания.

– Глупее ничего не мог придумать! Не обижайся, она моя лучшая подруга. Можно подумать, не успеешь наиграться в любовь. Будет тебе счастье, Серёженька, всё, что захочешь, будет... нужно немного потерпеть, дожидаться, когда останемся одни. Мы же взрослые люди.

– Ждать, так ждать. Знаешь, Катюша, у меня беспокойство какое-то. Сам не пойму, что со мной происходит, но сердце шемит.

– Ерунда. Ты нарочно так говоришь, чтобы в гости не ходить. И не вздумай портить мне настроение ревностью. Танцевать сегодня буду, с кем захочу. Серенка гостей пригласила, жуть сколько. Оторвёмся по полной. У меня уже ноги в пляс пошли... от предвкушения хмельного азарта. Не сердись, любимый. Завтра всё возьму... в призовом размере. Сегодня веселимся.

– Завтра так завтра. Как говорит моя мама – у бога дней много.

Гостей у подруги действительно оказалось много. Сергей почти никого не знал.

Катя сходу завелась, как электрический моторчик, забыв про мужа. Танцы и весёлые компании она обожала.

Предчувствия не отпускали Сергея. Что-то изнутри настойчиво напрягало.

Катя увлечённо танцевала. Мужчины приглашали её наперебой.

Один танец она подарила мужу, но он не был любителем обниматься на людях под музыку, тем более без настроения, потому из этой затеи ничего хорошего не получилось.

Немного погодя, когда было произнесено много тостов, продемонстрированы подарки имениннице, поведение гуляющих стало приобретать пошловатый оттенок.

Кавалеры без стеснения прижимали в танцевальных движениях дам, оглаживали их крутые попки, что-то фривольное шептали, дотрагивались губами до чувствительных точек, вызывающих слишком откровенного характера восторг.

Люди все взрослые, имеют право. Тем более что семейная пара на этом празднике всего одна, он и Катя.

После очередного танца Сергей увлёк жену на улицу, подышать. Думал, что удастся уговорить завершить приключение на этой замечательной ноте.

Катя согласилась выйти. Её слегка шатало от выпитого спиртного.

Кто-то из гостей курил. Жена залихватски попросила мужчину угостить сигареткой, что было странно, она не умела курить.

Сергей узнал в нём одного из кавалеров, который настойчивее других кружил жену в танцах.

Жена уверенно подкурила у него, вдохнула едкий дым полной грудью и закашлялась. По её лицу потекли слёзы вместе с косметикой.

– Пошли домой, Катенька.

– Так и знала что попытаешься испортишь праздник. Не нравится, не мешай другим. Лично я остаюсь. Роман, проводите меня, – настойчиво потребовала девушка, – хочу танцевать.

Сергей отодвинул было в сторону провожатого, но получил неожиданный удар в солнечное сплетение.

Дыхание остановилось, в глазах померк свет. На некоторое время он отключился.

Жены и её агрессивного кавалера не было.

Удар от мужчины Сергей перенёс стойко, а от Кати...

Неожиданно засвистел ветер, налетая порывами, сгибающими деревья. В глаза полетел песок, мусор кружился в свете уличных фонарей. Молнии одна за другой засверкали поверх деревьев, затем раздался разрывы грома, хлынул дождь.

На втором этаже были раскрыты балконные двери, громкая музыка звучала в перерывах между раскатами.

Мокрый Сергей стоял, не решаясь ни на что.

Всё же нужно попытаться увести Катю домой. Она опьянела, сама не понимает, что делает.

На кухне и в зале жены не было. Гости по-прежнему веселились.

Сергей прошёл в дальнюю комнату и обомлел. Катя и танцор целовались, лёжа на диване. Рука мужчины шарилась у Кати под юбкой. Они были настолько увлечены процессом, что никого не замечали.

– Что же, – с горечью подумал Сергей, – действительно взрослые люди. Нет смысла прерывать удовольствие, устраивать на людях скандальные сцены. Пусть развлекаются, если это единственная и основная цель их жизни.

Настроение... какое к чертям собачьим настроение! Мужчина шёл по лужам, не разбирая дороги. Сознание привело домой, куда же ещё.

Что он чувствовал? Этому невозможно дать определение. Сначала внутри бушевал ураган, сверкало и гремело. Долго, бесконечно долго. Потом всё прекратилось, разверзлась дыра, через которую заползала пустота.

Сергей пил крепкий кофе, чашку за чашкой. Такого мучительного похмелья у него никогда ещё не было.

Сердце стучало с перерывами, в голове шумело, в глазах сверкали концентрические круги, взрывающие мозг.

Как такое могло произойти! Катя, милая девочка. Ведь они были так счастливы вместе. Сергей силился вспомнить что-то хорошее. Сознание настойчиво выдавало одну и ту же картинку: уверенные движения под платьем жены мужской руки.

От очередного глотка кофе его вывернуло наизнанку, потом сами собой потекли слёзы.

Ненадолго после этого Сергей забылся. Очнувшись, начал лихорадочно соображать, что делать.

Решения не было. Он знал лишь одно, что вчера ещё любил эту девочку больше жизни. И что теперь делать с этой любовью?

Мысли путались. Временами Сергей умудрялся себя убедить, что ничего трагического на самом деле не было, что ему показалось. Это было видение, мираж, галлюцинация. Что угодно, только не измена.

Он потерялся в пространстве и времени, витал в мареве фантазий. Когда приходил в себя, решал, что жить больше незачем.

В дверь позвонили. Настойчиво, длинно. Затем начали стучать ногами. Так могла требовать открыть только Катя. Его Катя.

Сергей машинально вставил ключ в замок с внутренней стороны, когда пришёл ночью. Увидев в глазке Катю, обрадовался было её возвращению, но память вернула на ментальный экран неприглядную сцену.

Его передёрнуло от брезгливого отвращения.

– Пусти, Серёжа! Пожалуйста, открой, – кричала Катя, – я тебя очень прошу... на надо поговорить.

Она барабанила в металлическую дверь руками и ногами. Было слышно, что она плачет.

Сергей не мог определиться, хочет ли её видеть.

Там, за дверью, была совсем другая Катя, женщина, которую он совсем не знает. Чужая, к которой ничего, кроме неприязни, здесь и сейчас чувствовать не мог.

– Серёжа, миленький, не бросай меня, не отталкивай. Давай поговорим... как взрослые люди. Я тебя очень прошу. Впусти, нельзя же выяснять отношения на глазах у всего подъезда. Да, я виновата, очень виновата, признаю. Но давай обсудим инцидент без свидетелей. Я всё объясню.

Сергей стоял за дверью в их общую квартиру. Не впускать жену было глупо, да и ни к чему действительно выносить сор из избы, превращая размолвку в публичное шоу.

Он открыл, стараясь не глядеть в сторону жены, развернулся, пошёл на кухню.

События происходили в автоматическом режиме, словно в дурном сне.

– Я знаю, ты всё видел. Прости, если можешь! Не знаю, что на меня нашло. Я поступила подло, гадко. Пойми, это была... как бы... совсем не я. Я понимала, на самом деле понимала, что делаю... но не могла остановиться. Мне хотелось чего-то тебе доказать, наказать что ли. Мной руководило чувство противоречия.

– Зачем мне всё это знать? Ты это была или не ты, но целовались вы на моих глазах. И рука в твоих трусах была настоящая. Да и стонала ты, катя, вполне натурально.

– Серёженька, любимый, я ничего не отрицаю. Да, я поступила гадко. Там, у Серены, было только начало. Я подчинилась этому мужчине, словно загипнотизированная. Мы даже не разговаривали. Он глазами и жестами приказывал, я соглашалась.

– Как у вас, взрослых людей, всё просто. Я больше половины года не мог решиться на робкий поцелуй, а ему ты не могла отказать после первого танца.

– Я же объясняю, это было наваждение. Сама не понимаю, как такое могло произойти, что это было.

– Подразумеваю, интимная связь между мужчиной и женщиной называется секс. Обыкновенные развратные действия, без любви, ради удовлетворения животной страсти. Видимо, подобные фантазии давно будоражили твоё воображение.

– Нет же, Серёженька, нет! Это была нелепая роковая случайность.

– С чем тебя и поздравляю. Если я ни о чём подобном не грезил, мне и предложений таких никто не сделает. Мысли, Катенька, материальны. Признайся хотя бы себе, что стечение обстоятельств, кажущаяся случайность, вполне закономерна.

– Тебе непременно хочется меня обвинить, выставить развратной, порочной, лживой?

– Помилуй, ты сама эту постыдную связь сделала достоянием общественности. Сначала у Селены, теперь здесь, в подъезде.

– Да, Серёженька, я дрянь... не сумела справиться с вожделением. Но я твоя жена... и хочу быть ей всегда. Пойми меня и прости! Я не такая на самом деле, вот увидишь. Я хорошая, верная.

– Похоже, Катенька, ты сама не знаешь, какая. Любой поступок только в первый раз тяжело совершать, потом даже самое неприглядное действие становится привычной обыденностью. Любопытство заставит тебя повторить острые ощущения. Возможно, возбуждение и сладострастие сильнее твоей воли. Я не знаю, если честно, не хочу ничего знать про механизмы измены. Мне просто противно будет к тебе прикасаться.

– Ты меня больше не любишь, не желаешь даже попытаться простить!

– Мы же взрослые люди. Ты забыла добавить эту ритуальную фразу, которой можно всё объяснить. Да, мы сформировались, созрели. Можем себе позволить. Если доверие и верность, просто ничего не значащие слова. Нам лучше расстаться.

– Как, почему? Ты не можешь так со мной поступить!

– Ты же смогла. Я любил ту Катеньку, с которой счастливо прожил три года. Ты – самое прекрасное, что случилось в моей жизни. Теперь ещё и самое ужасное. Не знаю, получится ли пережить этот шок.

– Прости, миленький... я больше не буду!

– Меньше, как оказалось, тоже не будешь. Как думаешь, танцор тебя любит? Сомнительно. Зачем ему доступная женщина. Он про тебя уже всё знает. Теперь и я тоже.

– Каждый может оступиться, сделать ошибку. И что, сразу приговор и смертная казнь!

– Я тебя не гоню. Сама не захочешь со мной жить. Мы потеряли самое главное, что превращает обыкновенные эмоции в чувства, а чувства в любовь – доверие.

Больше супругам не о чем было говорить. Тем более, скандалить, спорить. Жизнь сама расставила всё по местам.

Развелись они через два месяца.

Покаяние

Мы можем навсегда прощаться

Полу-во-сне, полу-в-бреду.

Я всё равно к тебе приду:

Мне просто некуда деваться.

Вадим Хавин

Зойка любила дружка своего больше жизни, оттого и дразнила. Время пришло девчонке невеститься, да и смелая, дерзкая была чересчур: одевалась намеренно в короткие платица, специально для Витьки, грудью упругой прижималась, волосами распущенными щекотала, чтобы аппетит у парня разбудить, о котором тот ни сном, ни духом. Коленки голенастые напоказ выставляла, подол до трусиков, как бы случайно задирала, за руку нежно брала, чтобы в глаза удобнее заглядывать, губы жадные до ласки подставляла.

Но, Витька – телок: мычит, глаза зажмуривает. Сердечко волнуется, стукотит. За метр беспокойный пульс услышать можно.

Зойке, конечно, приятно, но она взрослой стать решила, от своего желания не отступится. А уж коли игра в любовь в такую жаркую пору вошла, жди неожиданностей. Горячая кровь на такие безумства способна толкнуть – только держись.

Налюбоваться дружок не мог на узорчатые прожилки под её прозрачной кожей. Дрожал, как осиновый лист, когда невзначай прикоснуться к подружке доводилось. Млел, созерцая божественное цветение беспечной юности.

Нельзя! Мальчикам, вроде, можно до поры (выдерут да и только), чтобы опыт накопить, чтобы не опозориться, когда срок наступит, а девчонкам беда. Позор на всю оставшуюся жизнь. Витька не может так поступить, особенно с Зойкой. Они же с детства не разлей вода. Куда один, туда и другой. На селе все знали, что рано или поздно...

Знала и Зойка, что он застенчивый, робкий, мечтала, – сейчас поцелует. Разве от такого подарка можно отказаться! Не дурак же он.

Представляла, как сладко будет вдвоём, – любит ведь, чего ждёт? Вот она я.

За руку брала, в заросли лозняка поутру водила, подальше от любопытных глаз. Смело сбрасывала платице, – гляди, любуйся. Вот здесь можешь дотронуться. И здесь. Всё-всё можно, даже то, чего совсем нельзя. Ну, же! Какой же ты у меня...

Зойка танцевала нагишом, руками ласково звала, – иди ко мне, любимый.

Она была почти взрослая. Так все говорили. Вон, и грудь поспела, и кустик меж ног призывно топорщится. Расцвела девчонка, округляться начала, порозовела. Млеет в ожидании любви, трепещет от откровенного бесстыдства толпящихся в голове мыслей, от переполняющих кровь эмоций, от невнятного напряжения в груди и внизу живота.

Витька краснел, терялся, отводил в сторону зачарованный взгляд. По ночам грезил, позволяя в фантазиях всё то, чего не мог себе разрешить в Зойкином присутствии.

Его чувственность только пробуждалась. Ничего он ещё толком не понимал, но позывные взросления настойчиво о себе напоминали, наполняя незрелое тело нежностью и бурлящей кровью.

Только бы Зойка не узнала, какие мечты он себе позволяет! Не мог Витька подружку обидеть, не мог.

А Серёжка стесняться не стал. Задрал подол и опростался, причиняя при этом боль.

Не любил, “на дармовщинку” позарился. Любопытен через край. Жаден до грешных впечатлений. Чего не взять, коли плохо лежит. Девка-то в соку, ничего не соображает: из реальности-то выпала. Может и не вспомнит, когда в себя придёт.

Зойка была к нему равнодушна. Созрела прежде времени, это да. Так природа распорядилась, чтобы мальчишкам дать время окрепнуть: сил накопить, мышцы нарастить. А Витька малость старше был, что к чему представление имел: не она первая, не она последняя. Зов плоти.

Кто-то скажет, – чокнутая она, эта Зойка, суицидница. В психушке ей место, – и будет прав. Отчасти. Поскольку не сумел распознать душу тонкую. Девочка реальность с фантазиями перепутала.

Так бывает, когда напор гормонов в крови мысли в раскоряку ставит, а необузданный творческий потенциал, помноженный на развитую сверх меры впечатлительность, толкает в пропасть неизведанного.

Влюблённые девочки – натуры хрупкие, импульсивные. Натворят невесть чего в хмельном угаре сладкого влечения, вкушая по неопытности ворох запретных для их опасного возраста эмоций – не расхлебать опосля.

Вот и Зойка... дурочка, на крючок запредельной глупости попалась. Нет, чтобы успокоиться, подумать. Сразу в пропасть, чтобы не страдать. Как же это глупо!

Потом жалела, кляла себя за порочную беспечность. Поздно. Крапивное Серёжкино семя упало в благодатную почву, выпустило цепкие щупальца, разом и проросло.

Зойке в тот год, когда родила Никитку, едва семнадцать исполнилось. Сама дитя, до ставней оконных дотянуться не может, ростом не вышла, а богатыря выродила. Боровичка голосистого с красной головкой почти пять кило весом.

Порвалась вся, но терпела. Все орут, а она молча муку адскую приняла: кару добровольно себе назначила.

Не дождалась любимого – получи!

Вспоминала чуть не каждый день, как Витька украдкой смотрел на острые её локотки, на узкие плечи с подвижными лопатками, на впалый животик, над которым нависали худосочные рёбрышки, которые можно было пересчитать поштучно.

Она ведь звала его тогда, – на, возьми.

– Время не пришло, Зоенька. Погоди, пока повзрослеем. Всё у нас будет. Как положено, по-честному. Только дождись.

Глупый. Не будет теперь ничего! Кто захочет связать жизнь с утратившей честь гулящей девкой.

Как же она ревела в тот день, когда Витька в областной центр учиться уехал, как упрашивала, – останься! Сгину без тебя.

Накрутила себя, чуть умом не двинулась.

Не послушал. Думал, блажит девка. А она чуть руки на себя не наложила, такова была сила потрясения.

Серёжка из петли вынул. Никому о том не сказал, но плату непомерную взял – невинности лишил, пока Зойка окончательно в себя не пришла. Девчужке тогда без разницы было: она с жизнью уже распрощалась. Семь бед – один ответ. Пусть делает, чего надобно, и проваливает.

Ведь знал, паршивец, что нельзя семенем разбрасываться, что осрамит девку, а замуж не позовёт. Недаром говорят, что охота пуще неволи. Больно велик был соблазн запретный плод сорвать, надкусить, сочной мякоти целомудрия отведать. Правда, слово дал, что никто о том не узнает. Но, шила в мешке не утаишь.

И Зойка не призналась, чей сын брюхо обживает, кто мальцу настоящий отец.

У Сергея к тому времени, когда живот у Зойки на нос полез, свадьба наметилась. По залёту нечаянному. Он и в этот раз хотел незаметно отползти, но не успел. Братья невесты вовремя сообразили, подсустились. Руки-ноги не повредили, а портрет здорово разукрасили.

А ему как с гуся вода. Недёржанных девок на селе пруд пруди. Он теперь опытный, следов не оставляет. К тому ещё солдаткам да вдовам маета неприкаянности душу травит. Всем

любви подавай. Хоть такой, развратной, коли другой для них нет. А есть ещё иная порода баб – любительницы жеребятины. Сами знаки подают, мало того – наливают за утоление порочного голода.

В деревне думали, что отец Никитки Витька. А он – ни сном, ни духом.

То есть, что родила, знает, про своё якобы отцовство – нет. Ему ли не ведать, что до сей поры невинный телок. Целоваться и то не выучился. Разве что в шею Зойкину губами впивался пару раз, да за ухом грелся. Но, то не в счёт. Это по-дружески, по-братски.

Горько ему, больно, что так несуразно вышло. Себя виноватит.

Закроет глаза, Зойка танцует. Для него. Танцует и зовёт.

Смешная, красивая, родная, в чём мать родила.

Тщедушная, маленькая, прозрачная, как уклейка, а грудь... он ведь только делал вид, что не смотрит. Как было удержаться от соблазна?

Всё как есть помнит. Грудь была настоящая.

Сколько раз Витька потом грезил, протягивая навстречу длинноногой танцовщице без покровов, к её бархатистой коже, к упругому бутону груди, размером с румяное яблочко, раскрытую ладонь, представляя, как прикасается к этой бесценной реликвии, как наливается священной энергией любви.

И застывал в ужасе, физически ощущая потерю, которой могло не случиться, будь он решительнее, смелее.

Упустил своё счастье! Сам упустил.

Может, стоило тогда поступиться принципами, забыть про традиции, про девичью честь и свою совесть, которая на поверку оказалась тяжким бременем, которая раз за разом возвращает воспалённую память в окаянное прошлое?

Сильны мы задним умом, когда ничего нельзя изменить. А ведь она звала, упрашивала, словно ей одной та любовь была надобна.

После техникума Витька уехал в Заполярье. Можно сказать, сам себя наказал.

Парень он видный. Девчонки вокруг табунами невестились. Женщины в соку, глядя на широкие плечи, сильные руки и цепкий взгляд, кто бессовестно, нагло, кто простодушно, застенчиво, предлагали любовь. Всякую, в том числе без обязательств.

Витька был поглощён единственной страстью: Зойкой бредил. Ночами в поту просыпался, криком кричал, прощения просил.

До сих пор Зойка его звала. До сих пор не отпускала.

Не выдержал. Всё для себя решил, поехал каяться.

Родители писали, что не было у Зойки с тех пор никого, словно эпитимью на себя наложила. Фотографию мальчика прислали.

Никите шесть лет минуло.

Рыжий, кучерявый. В Серёгу Кучина, не иначе, лучшего некогда друга. У него одного на всё село кудрявая, как у ягнёнка, шевелюра красным золотом рдела.

Этот общеизвестный факт Серёжкин брак и сгубил. Как пошёл по селу слух о рыжем мальчонке, Варвара ему на порог указала. Братья скорости добавили. Хотели оскопить, да пожалели.

Тот к Зойке. Да куда там, – не было у мальчонки отца, и такого не нать. Опоздал, касатик. Да и не ужились бы мы. Без любви-то.

– Много радости любовь тебе принесла? То-то ты в петлю прыгнула. Без мужика в своём дому никак нельзя. Я же рукастый.

– Зато до баб охоч. Мне ещё этого сраму не хватает. Витька бы мальчика не бросил. И по бабам не побежал бы.

– Много ты знаешь! Так может он того, и не мой вовсе?

– А и не твой. Что с того? Я ему каждую неделю красной краской кудри мажу, чтобы тебя осрамить. И себя заодно. Поди, поди вон, по добру, по здорову.

Удружил Серёга, нечего сказать. Но разве виноват он, что наградил отпрыска редким колером?

О том, что стало реальной причиной появления на свет Никитки, никто не ведал. Хоть в этом вопросе Сергей не подвёл.

Зойка, когда болела, заговаривалась, Витьку звала, прощения вымаливала.

Нормально, естественно, даже правильно, спрятаться в одиночество, зализывая кровото-чащие сердечные раны. Но как долго необходимо и можно жалеть себя, оплакивать и лечить истерзанную, в порезах и ссадинах от необратимых потерь, но живую, готовую вновь и вновь возрождаться, душу: неделю, месяц, год... или весь дарованный природой срок осознанного бытия?

Разве можно казнить себя без срока. Преступников, и тех рано или поздно из заточения вызволяют. Зойка о том не раз и не два матери заикалась.

– Кто ж тебе, оторве, таку обиду спустит, блаженная? Забыть пора. Не пара ты ему. Не он тебя, ты его не дождалась, ты любовь предала, – корила маманя.

– Покаюсь. Глупая была. Некому было боль свою доверить. Даже тебе не могла. А вдруг он мне тот грех попустит? Ноги целовать буду. Выведай адрес у Ильиничны, письмо напишу. Обо всём. Мне шестнадцать годков было, чего я понимала-то! Нет у меня больше сил, себя казнить.

А Витька взял да сам приехал, словно раскаяние Зойкино почуял. Кто знает, может, у влюблённых неведомая связь через небеса налажена.

К родителям не зашёл, сразу к подружке на порог.

– Сына покажи, Никитку.

– Так не твой ведь, Витюша.

– Мы про то никому не скажем. Усыновлю, будет мой.

– Давно уж все догадались. Масть не скроешь.

– Примешь, простишь?

Зойка кинулась Витьке в ноги, – гада я окаянная, злыдня проклятушая, изменщица подлая. Нет мне без тебя жизни. Разум тогда помутился, не ведала, что творю, любый мой. Прости, коли гордость позволит со мной знаться, век грехи те отмаливать буду!

– Не блажи. Встань с колен. В том и моей вины в достатке. Будем вместе разгребать, чего наворотили по глупости. Ты ведь меня каждую ноченьку все эти годы звала. А я... дурья башка. Всё могло быть иначе. А-а-а, чего даром воду в ступе толочь. Того дивного дня не вернуть. Помнишь, как для меня танцевала?

– Как не помнить!

– Ну, жена, раз такое дело, коли обиды прощены, будем праздновать. Никитку зови, мать с отцом. Всех зови. Мужчина в дом возвратился. Заживём!

– Теперь-то меня не испугаешься, не побрезгуешь, в губы целовать?

– Зацелую. И не только. Только не теперь. Хочу, чтобы в первый раз, как тогда, на берегу, в ивовых зарослях. Чтобы с самого начала всё правильно. Дождалась-таки, любая моя! Сына хочу, дочку, семью большую. Тебя хочу, Зоенька! Ты же меня научишь?

– Сам справишься. Чтобы с бабой хороводиться, много ума не нать. Природа кругом соломки подстелила. На котов да иную живность глянь. Кто их той науке обучает? Да никак ты, соколик, до сей поры любви девичьей не познал!

Зойка расплакалась, прижалась к Витькиной груди, но осторожно, робко. Не верила до конца своему счастью.

– Как знать, как знать. Вдруг у меня ничего не выйдет?

Зойка прыснула в кулак, – и то верно. Вдруг? Стоит проверить, пока Никитос с маманей на ферме управляются. Время есть. Я и станцевать могу, не отяжелела пока. Или опять чё не так?

– Тебе бы всё хиханьки, дурища. А у меня сомнения. Боязно мне.

– Ничего не изменилось. Всё такой же телок. Как же люб ты мне, соколик!

Про дефицит витаминов и недостаток сна

*У любви меняется лицо,
Речь, походка, голос, даже имя –
Могут и глаза в конце концов
Стать неузнаваемо другими...
Что же остаётся?
Только то –
Где-то там, на уровне молекул –
То неразличаемое, что
Тянет человека к человеку.
Анна Полетаева*

С трудом втиснувшись в набитое до отказа брюхо автобуса, Рита никак не могла дотянуться до поручня. Автобус тронулся слишком резко, чтобы зафиксировать устойчивое положение тела. Ноги остались на месте, а всё, что выше, резко качнуло назад, лишая равновесия. Рита мысленно летела вверх тормашками, но сильные, горячие, явно мужские руки, нежно прикоснувшись к талии, аккуратно предотвратили падение, оставив попутно непередаваемое ощущение, слишком мимолётное, но удивительно сладкое, отчего по телу разлилось предвкушение давно забытой ликующей радости. Мысли неудержимо понеслись вскачь, зарождая странное для замужней женщины трепетное волнение. Автобус встряхнуло. Женщина вновь коснулась спиной чужого тела. Напряглась, не спеша возвращать контроль над неловкой ситуацией. Руки мягко придержали, чуть дольше, чем требовали обстоятельства, случайно или намеренно скользнув по бедру вниз. Как хочется обернуться. Рита затаила дыхание. Было слышно, как трепещет в груди, забыв о приличиях, потрясённое неожиданной интригой сердечко. Душа её томно стонала от внезапно нахлынувшего восторга.

– Ну же, прижми крепче! Я сделаю вид, что не заметила, – вступила она в безмолвный диалог с внутренним собеседником, слегка выгибая спину.

На следующей остановке в салоне стало свободнее. Рита не стала садиться: загадочный незнакомец, вызвавший столь потрясающий эмоциональный отклик в каждой клеточке, стоял позади. Наверно не просто так стоял. Ему явно нравится эта игра. Ей тоже.

Автобус вновь тронулся. Лёгкое прикосновение. Чуть выше талии, затем немного ниже. Так даже приятнее.

Рита боролась с желанием оглянуться, но пробуждённая так некстати среди скопления незнакомых людей чувственность требовала сохранения тайны.

Через пять или шесть остановок порочное возбуждение ввергло её в блаженную эйфорию, замедляя ход времени, подменяя реальные события почти достоверным романтическим вымыслом.

Женщина не заметила, как на волне заразительного азарта проехала свою остановку и ещё половину города.

– Конечная, – громко рявкнул динамик.

Рита, испуганно оглянулась. В салоне никого не было. Сзади тоже.

Дома её ждали голодные дети, неприбранная квартира, тысячи маленьких и больших житейских проблем. И парализованный тяжелейшим недугом муж.

Сладкая месть

*А я Вас люблю – до озноба, до колик,
До всякого рода неясных вещей:
От мыслей о вечном – до мыслей о кроликах,
И страха при мысли о вечной ничьей.
Екатерина Горбовская*

Вам когда-нибудь изменяла жена, единственная женщина в вашей жизни, от общения с которой перегорают лампочки в мозгу, вера в исключительность и целомудрие которой кажется безусловной истиной, практически религией?

Нет? Вам здорово повезло. Я не такой везунчик.

Не буду описывать, из каких источников, как и почему узнал, что у Сони случился неприглядный для меня роман с картинками, в котором она проявила постыдную сексуальную активность. Факт измены не получилось скрыть, невозможно перевернуть или оспорить.

Жена была поймана на горячем, что было крайне неприятно. Лучше бы я этого не знал. Шёл четвёртый год безоблачно счастливой семейной жизни.

Быт семьи полностью налажен, дочурке полтора года. Софья не так давно вышла после отпуска по уходу за ребёнком на работу, чему была сказочно рада. С малышкой в рабочее время и в часы досуга оставалась приходящая няня – добродушная старушка из соседнего подъезда.

Жена не отрицала, что чрезмерно увлеклась коллегой по работе, не пыталась объяснить, что заставило её целую неделю как с супругом жить с ним в служебной поездке в общем номере, а позднее встречаться несколько месяцев по вторникам, объясняя задержки занятиями на обязательных курсах повышения квалификации.

Я не пытался на неё давить: не устраивал скандал, не стал делать из вульгарного проступка зрелищное шоу.

Разоблачение стало для жены испытанием, шоком: это было заметно.

Она была напугана, клялась, что любит только меня, что связь с любовником была наваждением, одержимостью, безумством, что увлечение на стороне послужило серьёзным уроком.

– Мне ужасно стыдно, – рыдала Соня, – я не хочу, не могу с тобой расстаться. К тому же наша малышка. Если сможешь простить – стану покорной и нежной.

С работы Софья уволилась, с любовником решительно рассталась. На какое-то время вновь занялась ребёнком и домом.

Было тяжело, больно. Около месяца мы общались короткими фразами, спали в разных комнатах.

Не так просто наладить интимный контакт с женщиной, тело и душа которой жили двойной, бесстыдно порочной жизнью, которая позволяла, возможно, даже требовала, желала, доверительного интимного контакта с другим мужчиной.

Чувство брезгливости долго не позволяло свершить ритуал супружеского слияния.

Со временем я почти справился: убедил себя, что “хороший левак укрепляет брак”, что жену обманули, совратили, что в случившемся есть доля моей вины, вновь почувствовал магическое притяжение.

Софья по-прежнему волновала, возбуждала меня... особенно когда ненадолго расставались.

Её родители жили в соседнем городе. Софья скучала по ним, время от времени гостила в отчем доме несколько дней, как правило, вместе с малышкой.

Так было и на этот раз.

Спешить в пустую квартиру не было желания: семейные отношения не предусматривают отпуск от любви, тем они и отличаются от романтической связи без обязательств.

Организм женатика постепенно настраивается на неизменный бытовой обряд, соблюдение которого составляет суть и постоянство неспешного, однообразного супружеского счастья.

Городской парк казался замечательной альтернативой общения с компьютером, который отвлекал в определённой мере от внезапной смены гармоничного ритма семейных будней, но не заменял живой контакт с самыми дорогими существами: женой и дочкой.

Было тоскливо, немного грустно проводить лучшую половину дня в одиночестве.

Телефонный разговор с Соней лишь усугубил эмоциональный и тактильный голод.

В парке в этот час было весело, людно. Некоторое время любопытство, наплыв ярких красок и звуков отвлекали, но окружение из влюблённых парочек и счастливо проводящих вечерний досуг семей окончательно испортили настроение.

Шарик мороженого в открытом кафе вывалился из ложечки на рубашку, когда нежно-прохладные маленькие руки ладони закрыли мне глаза.

– Угадай, – вкрадчиво прошептали в ухо приятным голосом, окутав флёром приятных фруктовых запахов.

Вторжение в мою интимную зону было внезапным, не особенно приятным.

– Извини, Лагутин, не хотела напугать. Увидела тебя – обалдела от счастья. Не поворачивайся, так гадай.

– Голос знакомый... Соколова... нет, Кирпикова. Зойка!

– Так нечестно! Никакой тебе интриги, тайны. Столько лет не видел и сразу угадал. А, поняла, ты в витрину глядел.

– С закрытыми глазами? Смотри, что с рубашкой сделала!

– Фи, бука. Рубашка. Разберёмся, я рядом живу. Застираем, выгладим. Нашёл, о чём сокрушаться. Дай насмотрюсь на тебя. Возмужал, заматерел. Глупая я, глупая, да... такого орла упустила. Я ведь даже вспомнить не могу, почему на самом деле мы с тобой расстались. Надо же, у тебя глаза тёмно серые, я думала синие. Посидим или сразу стираться пойдём?

– Неудобно, Зой. Я человек семейный. Дочка у меня. Чёрт с ней, с рубашкой. Чего тебе заказать?

– Кофе с коньяком и бокал холодного сухого вина.

– Ты-то как?

– Лучше всех. Выпьешь со мной?

– Разве что глоток. Замужем?

– Не встретила. Тебя вспоминаю.

– Не заводись. То был великолепный, но тренировочный забег.

– Кому как. Ты у меня был первый... и последний.

– Ты же сама... я помню.

– Я тоже, местами. Выкладывай свою версию. Обсудим.

– К чему ворошить прошлое?

– Для меня это настоящее. Хочу понять...

– С какого места начать?

– С того самого дня.

– Позвонила, попросила прийти, хотела что-то важное сказать.

– Я думала ты сам пришёл. Ну, дальше...

– Тебе тогда пятнадцать было, мне семнадцать. Дома никого. Ты завела разговор о том, что пора расстаться с детством, что кто-то из подруг давно...

– Разве я начала?

– Ты-ты, Зоя. Разделась, меня завела, что оказалось совсем непростым мероприятием. Я же мальчишка был. Самым сладким лакомством для меня был поцелуй, самым крепким – объятие. Дотронуться до груди через одежду – вершина соблазна, а тут такое.

– Сама, значит? Почему я считала, что ты взял меня силой?

– Разве теперь это важно?

– Дальше.

– Зачем тебе?

– Не знаю. Чёрное пятно. Помню, как пришёл, как выгоняла, тоже помню, в промежутке пустота. Почему я на тебя обиделась? Должна же быть причина?

– Наверно должна, но мне она неизвестна. Ты буквально женила меня на себе. Надо было видеть твой взгляд, твою фанатичную настойчивость. Словно бесы вселились в твоё тщедушное тельце. В тебе тогда было... килограммов сорок – не больше. Потом мы застирывали бельё... в промежутках между истериками. Честно говоря, я тоже много чего упустил: было ощущение, что свет потушили. Несколько вспышек и финал. Ничего особенного в принципе. Помню, это позже, когда свершилось, обнял тебя сзади, хотел поцеловать... в шею, успокоить. Получил пяткой в самое уязвимое место. Дальше... ты меня с криками выгнала.

– Я тогда курить начала. До сих пор бросить не получается. Неделю вела себя как ненормальная.

– Я приходил. На следующий день и ещё целую неделю. Ты не пустила. Разговаривать отказалась.

– Не понимаю! Я же тебя любила... люблю.

– Это лишнее. Первая любовь, она и есть первая. Мне тогда казалось, что жизнь потеряла смысл, что мир рухнул, я совершенно один на развалинах этого хаоса. Ты избегала встреч. Переболел, выздоровел. Так у всех торопыг случается. Надо было подождать, дозреть что ли.

– Я и теперь не дозрела. Пошли ко мне.

– Нет. Секс – не игрушки. Если сейчас тебе плохо, потом ещё хуже станет.

– Что ты себе придумал, что я опять... опять хочу женить тебя? Много чести. Застираем рубашку и проваливай. Больно надо за тобой бегать.

Отчего-то тревожно, с перебивками скрипело сердце. Я понимал, что идти с Зойкой – авантюра, но у меня было оправдание, точнее повод поступить так, а не иначе: пережитый, но до конца не отпущенный обман жены. Долг платежом красен.

Соня начала первой. Если соблазн победит, что маловероятно, счёт будет обнулён, только и всего.

Убедить себя изменить правила игры оказалось совсем несложно. Наверно подсознательно я был готов к лукавому обоснованию плотоядного любопытства.

Выглядела Зойка безупречно: ухоженная, сексапильная, стройная. Сладкий её запах давно и прочно проник вглубь сознания, которое давно решило, распланировало неминуемое падение в бездну греха.

Зойка флиртвала не только взглядом: обещала, манила, соблазняла, дразнила. Было чем.

Для чего мне понадобилось это легкомысленное приключение? С подобного ракурса не было желания рассматривать вспыхнувшие с небывалой силой эмоции, вероломно подsunутые глубинным инстинктом и услужливой памятью.

Представьте себе машину времени: берёшь в руки джойстик, одно движение и ты в прошлом.

Первый раз в первый класс. Зойка превратила меня в мужчину.

Следующий раз был интереснее, но запомнился навсегда именно тот.

Я долго держался. Во всяком случае до того момента, пока не снял для стирки рубашку.

Зойка дрожала всем телом, излучая позывные, которые сложно не заметить.

– Теперь моя очередь соблазнять, – решил я и вслед за рубашкой снял брюки.

Зойка слезливо захлопала ресницами, покорно встав в стойку готовности.

– Можно, – почему-то шёпотом спросил я, протягивая руки к упругой груди, не в силах более рассматривать возможный отказ как таковой.

Девушка смущённо потупила взор, покачала головой: то ли позволяя, то ли отказывая.

Точка невозврата была пройдена: внутри сорвалась упругая по природе материала, из которого создана, пружинка, запустившая первобытный инстинкт охотника. Мощно вспыхнул огонь, распалюющий фантазию, а вместе с ней животную, яростную страсть.

Софья всегда казалась лучшей мне из женщин: самой желанной, самой привлекательной и чувственной, но стоило прикоснуться к Зойке, как я забыл обо всём на свете. Блеск жены померк безвозвратно.

В одетых на меня концентрацией гормонов розовых очках Зойкино тело казалось совершенным, желание им обладать – импульсивным, настойчивым.

Девушка была ненасытна, изобретательна, нежна. Сложно было представить, что я – первый и единственный мужчина в её жизни.

Впрочем, мне было без разницы, насколько она целомудренна или опытна. Сладость и сила импульсов, заставляющих немилосердно, безжалостно терзать податливую плоть, была беспредельной.

Зойка оказалась образцом необузданной похоти.

Забег на сей раз был показательным, олимпийским.

– Не пришлось бы участвовать в награждении чемпионов, – невольно подумалось мне. Чувственная страсть – процесс необратимый и стимул серьёзный. Сумею ли справиться с этой ситуацией без потерь?

О том, чтобы жить одновременно с женой и любовницей, не могло быть речи. Как объясняться с Зойкой, как смотреть в глаза Софье, которая не ожидает подвоха: я ведь её как бы простил.

Тем не менее буйная оргия продолжалась всю ночь, вплоть до телефонного звонка, оглушившего и без того ошалевших страдальцев в самый пикантный момент слияния.

Рассвело, на проводе висела жена, просила на следующий день встретить в шесть вечера на автовокзале.

До начала работы оставалось чуть больше часа. Рубашка не постирана, брюки мятые, под глазами следы от изнурительного поединка.

Пружинка внутри заскрипела, спряталась в потайное убежище до следующего раза.

– Нет, – дал я себе зарок, – мы с Соней квиты. Продолжение банкета отменяется.

– Ты не можешь так со мной поступить, – запричитала Зойка, повиснув на моей шее.

– Ты что – мстил за ошибку молодости? Я же люблю тебя, дурень!

– Прости. Наваждение нашло, галлюцинация. Ты ведь тоже не смогла сдержаться. У меня жена, дочь. Мне без них нельзя. Не казни... ни себя, ни меня. Отпусти и живи счастливо. На свете полно замечательных мужчин.

Весь день прокручивал я щекотливую ситуацию. Нельзя после случившегося молча уйти, дать повод безнадежно любить или тихо ненавидеть.

Нужно объяснить, убедить. Расставить все точки в конце романтической саги.

После работы я приобрёл большой букет, самый красивый торт и отправился разводить мосты.

Зойка редела, я старательно обходил пороги и мели, уверенно прокладывая безопасный маршрут.

– Давай расстанемся добрыми самаритянами, хорошими друзьями.

– Как ты себе это представляешь?

– Виртуально. У тебя есть аккаунт в фейсбуке?

– Конечно, есть.

– Добавь меня. Прямо сейчас добавь. Если сделал тебе больно – врежь по физиономии, будет справедливо, правильно.

– А если...

– Никаких если. Мы взрослые, должны уметь отвечать за поступки. Считаешь, что тебя опять совратили, обманули, кинули? Не согласен. Инициатива и на сей раз исходила от тебя. А вообще... ночь была сказочная. Будет о чём вспоминать, когда стану старой развалиной.

Разговор растянулся до темноты. Расстались миром.

– Не представляешь, как я соскучилась, шептала жена, дерзко прижимаясь ко мне в такси.

Софья была возбуждена, взволнована, выглядела вызывающе привлекательной, желанной, без стеснения ласкалась.

Чувственная лихорадка загадочным образом перешла на меня, заставив в свою очередь напрячься, принять недвусмысленную охотничью стойку, дала основание соблазниться перспективой с очень нескромным намерением.

– Странно, – подумал я, – по причине чего выкристаллизовалось подозрение, которое неуверенно конкурировало с угрызением совести.

Было обидно, – как так, я простил, а она, она...

– А сам, – тут же поправил я внутренний голос, – хватит играть в бирюльки. Или скажи правду... и разведись!

– Ну, уж дудки, – оборвал я внутренний голос, нежно целуя Соню.

Те несколько минут, пока кормили, укладывали спать нашу малышку, я изнывал от натиска желания.

На сей раз секс с супругой показался сногсшибательным, экстремальным происшествием. Я реально угорал, погружаясь во влажную атмосферу необузданных эротических фантазий, был взбудоражен яркостью её свечения и своей потенцией.

– Что с тобой, милый, – задыхаясь в объятиях, спросила Софья, – ты сегодня бесподобен. Меня не было всего три дня, ты же ведёшь себя так, словно не виделись как минимум полгода. Не замечала за тобой прежде такой прыти. Уж не...

– Помолчи, – зажав её ротик, с придыханием прошептал я, чувствуя, что стремительно мчусь к финалу, – умру от счастья – будешь виновата.

– О, да, – вскрикнула в предвкушении оргазма жена, – тогда умрём вместе.

О пользе секса

*Рядом. И всё же врозь
Двое в тиши аллеи.
Время сочится сквозь
Пальцы руки твоей.
Ласка дождя во тьме,
Мокрая нежность щёк...
– Знаешь, я больше не...
– Знаю... А я... Ещё...
Оксана Картельян*

Елизавета Альбертовна чувствовала себя ужасно уже не первую неделю, не понимая, почему так уныло проходит жизнь, отчего вдруг захотелось подвести итоги, обратиться к почти стёртым из памяти событиям, совсем с иным настроением.

Ей было не то, чтобы грустно или тревожно, нет, скорее одиноко и тоскливо, несмотря на то, что за мужем она жила как за каменной стеной, а умница дочка радовала достижениями и способностями, какими сама она не могла в этом возрасте похвастаться.

Это была тоска по ускользающей молодости, досада на то, что жизнь так и не выполнила ни одного из радужных обещаний.

Даже любовь и семейные отношения отчего-то превратились в профанацию, заменив незаметно восторг головокружительных эмоций и сказочных приключений на список утомительных бытовых повинностей, украшенных совсем не романтичным исполнением супружеских обязанностей в убывающей прогрессии.

Скучно стало жить, скучно-о-о!

Монотонная обыденность душила мерзкой рутинной, лишая возможности что-то изменить к лучшему: на инициативу и творчество не было ни времени, ни сил.

Хитросплетения запутанных социальных и родственных связей, растущие как грибы после дождя неоплатные долги перед всеми, имущественные и родственные взаиморасчёты, страх потерять равновесие, сделав нечаянный, но оттого не менее предосудительный, непристойный или постыдный шаг, нарушив непонятные нормы кем-то циничным выдуманной морали.

Чем глубже погружалась Лиза в тягучий сироп размышлений о смысле жизни, о балансе справедливости, о вечных философских вопросах и незыблемых истинах бытия, о вбитых с детства в голову готовых рецептах счастливого будущего, тем тошнее ей становилось.

Понять, почему столько лет шла вслед за искристой радугой, а попала в душный болотный туман, было попросту невозможно, потому, что всё вроде делала правильно: искренне любила, сопереживала, с полной самоотдачей выстраивала и сохраняла, а в итоге – разрушение и тлен.

Сегодня Елизавета Альбертовна переживала особенно бурно. Сергей давно уже перестал замечать её присутствие, разве что проголодается или захочет переодеться в чистое бельё.

С работы стал приходиться поздно, засыпать успевал до того как она закончит с хлопотами по дому.

Как женщина Лиза перестала волновать мужа довольно давно. Ведь пройти мимо не мог, чтобы не прикоснуться, не прижаться, не запустить шаловливые руки за пазуху или под подол. Целоваться мог часами. Любил, точно любил! И вдруг словно застыл.

Возможно, устал. Пусть уж отдохнёт.

Она прикрыла глаза, задумалась, пытаясь вспомнить, когда же в последний раз Сергей обнимал, не говоря уже про демонстрацию эротического желания, про страстные интимные

ласки, чувственное наслаждение, возбуждение до потери сознания от неистового интимного слияния.

Ведь всё это было, было, было!

В другой жизни, о которой напоминает лишь семнадцатилетняя дочь красавица, свадебное платье в шкафу на несколько размеров миниатюрнее её сегодняшней, да альбомы со старыми фотографиями.

Дочь Катенька вытянулась, тело её украсили соблазнительные округлости, кожа приобрела упругую гладкость, привлекательную белизну.

Елизавета наглядеться не могла на свою принцессу – точную копию её самой каких-то двадцать лет назад.

Двадцать лет! Целая жизнь. Как здорово, что Катенька – плод взаимной любви, а не случайной ошибочной влюблённости.

Лиза достала с антресоли альбом двадцатилетней давности. Тогда у них было множество друзей. Куда все подевались!

Елизавета Альбертовна методично перелистывала страницы, брала в руки старые снимки, сверяла имена, фамилии, даты.

Из друзей, окружающих их с Серёжей отношения, их романтические приключения, скромные опыты первых поцелуев и прикосновений, Лиза сохранила связь только с Ромкой Самариным и Юлей Савиновой. Остальные, вон их сколько, незаметно растворились в прошлом, испарились, исчезли бесследно.

Серёжа был рядом все эти годы, но его тоже как бы и нет теперь. Он стал равнодушным, безучастным – совсем чужим.

Лиза расплакалась, благо дома она была совсем одна – можно было отпустить на волю эмоции: нареветься вдоволь, пожалеть себя, высказать виртуальному обидчику всё-всё, что угодно, пусть мучается, негодяй!

Сейчас она ощущала неустроенность в отношениях как сильнейшую социальную боль. Елизавете Альбертовне как вода, как воздух необходимы были прикосновения, поцелуи, разговоры по душам, и не только: не хватало ощущения единения, сопричастности – некой артерии, которая питает духовное и физическое родство.

Каждую ночь, глядя на спящего спиной к ней мужа, она проваливалась в странные фантазии, жила в них, представляя себя, то женщиной лёгкого поведения, то счастливой любовницей. Потом засыпала, утомившись бесплодным вожделением, и до самого утра смотрела повторяющиеся, с продолжениями и сценарными доработками эротические сны, в которых видела и совершала такое, что при свете дня можно не раздумывая назвать безудержным развратом.

Ей было неловко, стыдно за эти греховные видения, которых она боялась, потому всё упорнее и настойчивее старалась не думать на подобные темы.

Тщетно! Как мысли, так и сны были беспощадны к её чувствительной нравственности.

В реальности ни за что и никогда ничего подобного Лиза не могла бы допустить, но ведь всему есть причина. Всему!

В жизни, в её личной жизни, всё происходило до ужаса нелогично, парадоксально: чем больше она отдавала, тем меньше возвращали обратно. Чем больше усилий прилагала, чтобы созидать, тем стремительнее рушилось уже выстроенное и отлаженное благополучие. Чем больше вещей, ценностей и комфорта появлялось в их семье, тем меньше становилось моментов беспредельного и даже обыденного, мимолётного счастья.

Список противоречий пополнялся день ото дня, сжимая шагреневую кожу моментов, способных вызвать если не блаженство, то хотя бы умиротворение.

Несмотря на внутрисемейный разлад, Елизавете Альбертовне завидовали. Мало того – осуждали и обсуждали “незаслуженное” везение.

Может быть, именно эта невысказанная враждебность окружающих, с кем они с Сергеем соприкасались, их ревнивое презрение, немое осуждение, и были главной причиной отчуждения, эмоциональной холодности?

Вчера вечером Лиза предприняла очередную попытку завязать разговор с Сергеем, выяснить причину его равнодушия. Их общение в последнее время ограничивали фразы “Привет”, “Я ушёл”, “Корми, мать”, “Устал как собака”, “Отвали” и десяток менее эмоциональных, но тоже коротких как выстрел командных формул.

– Поговорим, Серёжа!

– Не сегодня.

– Почему не сейчас?

– Догадайся! Неужели непонятно – я устаю. Мне необходима тишина, обособленное интимное пространство, чтобы восстановиться, чтобы побыть собой и с собой. Я работаю, стараюсь, тебе и этого недостаточно.

– Ошибаешься, мне ничего не нужно, кроме твоего участия, кроме любви и сочувствия.

– Замечательно! На этом и закончим диалог. Про любовь всё было сказано до нас, её не существует. Если есть серьёзные проблемы, которые требуют именно моего участия – обоснуй... в письменном виде. Будет время – ознакомлюсь. Я спать. Андестенд?

– Может быть нам расстаться, если любви не существует, если нас больше ничего не связывает? Мне необходим живой мужчина... из плоти и крови. Тёплый, внимательный, заботливый. Я нуждаюсь в волнующих доверительных диалогах, в признаниях и исповедях, в нежных прикосновениях... в объятиях, поцелуях, в безумном сексе, наконец! Да-да, и в нём тоже. А ещё в том, что нас некогда сблизило, что превратило отношения застенчивого мальчика и впечатлительной девочки в долгосрочный и крепкий семейный союз. Я хочу жить, но не как-нибудь, а насыщенно, вкусно.

– Бессмысленный монолог. Вкусное и калорийное лежит в холодильнике. Открой – увидишь. Всё, что ты перечислила, усложняет жизнь. Развод – многократно. Нет смысла менять что либо, когда большая часть пути пройдена. Бежать обратно – далеко, да и глупо. Разбежаться, идти поодиночке – опасно и сложно.

Смирись с реальностью, Лиза. Ты меня больше не возбуждаешь, но менять лично я ничего не собираюсь. Это нерационально. Я человек сугубо семейный, у меня взрослая дочь. Поверь, тебе не грозит опасность остаться одной. Давай прекратим беспредметные разговоры о любви и эротике. Наш поезд ушёл. Если хочешь – могу купить тебе люксовый вибратор. Он тёплый, всегда под рукой, а забота и внимание – его профессия.

– Спасибо, обойдусь. Остался один вопрос – как ты поступишь, если узнаешь, что я влюбилась. Не отомстила за равнодушие, не бросилась с головой в омут блуда, а испытала реальное романтическое чувство, от которого нет спасения, кроме полной самоотдачи? Ты ведь бросил меня. Ты готов поделиться мной с механической игрушкой, предлагаешь приспособливаться к полному одиночеству в семье. Может быть, нам демаркационную линию провести по всем комнатам, чтобы чётко определиться – где твоё, а где моё интимное пространство?

– Бред! Ты не так воспитана. Хватит уже мечтать о несбыточном. Посмотри на себя в зеркало и успокойся. Если у меня на тебя не сто... хм-м... если нет аппетита... пораскинь мозгами, Лиза! Куртизанками и гетерами становятся в детстве. Твою женскую привлекательность можно причислить к мифам древнего... ладно, неважно, не в том суть. Если есть желание продегустировать мерзость разврата – рискни, отведай. Результат тебя разочарует. Я бы на твоём месте сто раз подумал.

Мы с тобой идеальная пара. Разве я мешаю тебе жить? Накануне сорокалетия мечтать о любви... немислимая авантюра. Заелась ты, Елизавета Альбертовна. Хотя, возможно... уж не климакс ли у тебя, голубушка! Возможно, возможно...

– Конечно, возможно. Вот и попробую, вот и узнаю. Расцениваю твоё заявление как новую веху в наших отношениях, как сексуальную и нравственную свободу. А ты – отдыхай, отдыхай!

Лиза вспомнила первое объятие, первый поцелуй, переживания по поводу воплощения мечты скорее стать взрослым, не своей, его, Серёжкиной мечты.

Она долго тогда страдала от страха поступить неправильно, много раз решалась и передумывала. Сергей настаивал, упрашивал, приводил миллион доводов. Лиза отбивалась, но вяло. Любовь – та же наркотическая зависимость.

Уступила она сознательно, когда родители уехали к заболевшей бабушке.

Ей было пятнадцать, ему восемнадцать. Лизу трясло от странных предчувствий. Она была против преждевременного, до свадьбы, до совершеннолетия, эксперимента с избавлением от скромной девичьей добродетели.

Было страшно безвозвратно лишиться чего-то такого, о чём принято говорить только шёпотом, ошибиться в выборе единственного, ещё досаднее было бы потерять любимого.

Если уж для него это так важно, если уязвимое мужское самолюбие нуждается в самоутверждении подобным образом, если для любви и счастья необходима подобная жертва, если другого выхода нет – пусть получит желаемое. Она готова поделиться с Сергеем даже самым-самым сокровенным.

Лиза приняла решение, позвонила. Он тут же всё понял, прибежал. Наверно по интонации что-то почувствовал, или интуиция сработала.

По тому, как она смотрела, как прижималась, как охотно подставляла для поцелуев губы, по замешательству и безропотной готовности подчиниться, по бездействию и непонятно ещё каким образом, Серёжа догадался, почему именно в этот день ему можно всё.

В воздухе висела звенящая тишина, по всему телу толпами бегали мурашки, дышать было нечем, говорить особенно не о чем, потому что мысли переселились в иную плоскость, в параллельные миры, где нет ничего, кроме мужчины и женщины в первозданном воплощении.

Как же она боялась, как жаждала, чтобы произошла это важная для Сергея экзекуция (иначе воспринимать вторжение в неприкосновенную интимную сферу девочка не могла), как можно быстрее.

Всё произошло буднично и быстро. Сергей едва успел в неё войти, как случилась разрядка. В глазах и в голове у Лизы властвовал туман, смотреть на обнажённое тело друга она не посмела.

О том, что целомудренность стала прошлым, свидетельствовали липкие красноватые потёки на бёдрах и простыне. Ощущений она не запомнила.

Потом Лиза бесконечно долго лежала с закрытыми глазами, а любимый рассматривал то, что под страхом смерти она не показала бы никому другому.

Было ужасно стыдно вот так лежать под пристальным взглядом исследователя самоучки. Сергея колотило так, что клацали зубы. Он дотрагивался, вглядывался вглубь, просил потерпеть ещё немного, упрашивал попробовать ещё разочек.

Лиза не могла на это решиться именно сегодня, не хотела испытать унижение повторно. Она накрылась простынёй и плакала, плакала, не понимая почему: ведь сама позвала, сама согласилась.

Серёжка извинялся, шептал что-то глупо несурзкое про вечную любовь, про то, что готов хоть сейчас жениться, что всё серьёзно, что их отношения – это навсегда.

Вечность закончилась около года назад. Любимый не предал тогда, не бросил, не струсил. А теперь... просто охладел.

Любил ли на самом деле – кто знает, но прожитые вместе двадцать два года, если отчёт вести с того памятного дня, говорят о многом, только теперь не понятно – о чём именно.

Жить с человеком, которому нет до тебя дела, обидно и горько. Спустя столько лет Лиза опять стояла перед страшным выбором: похоронить себя заживо или безжалостно перечеркнуть прошлое и начать жить настоящим.

Она решилась. Жертва, принесённая некогда на алтарь любви, оказалась напрасной. Это давало право дальнейший путь выбирать самостоятельно.

Лиза выбрала право налево. Ведь на измену, точнее на переоценку ценностей, можно пойти не только потому, что угнетает ощущение себя несчастным, но и оттого, что хочется ещё раз испытать некогда пережитый восторг от ощущения безграничного счастья.

Сергей сам виноват – нельзя переступать черту. Она дала мужу шанс, он отказался выстраивать новые отношения. В тех рамках, на которых упрямо настаивал он, стало тоскливо, тесно: не хватало кислорода, жизненных сил и чего-то ещё, что вовлекало в затяжную депрессию.

Вспомнились брошенные бесстрастно жестокие фразы о возрасте, о климаксе, что стало для Лизы шоком (она не могла принять выпад мужа в таком ракурсе за истину).

Намёк на поблекшую привлекательность, на то, что полюбить её такую невозможно по ряду объективных причин был равнозначен удару под дых.

Елизавета Альбертовна скинула с себя одежду, включила в комнате полную иллюминацию, принялась придирчиво рассматривать тело.

Если бы рядом с ней сейчас стояла Катенька, если бы кому-то пришло в голову сравнивать маму и дочку, повод разочароваться был бы безмерным: в тридцать семь лет выглядеть девочкой невозможно, несмотря на отсутствие целлюлита, на сохранившуюся стройность фигуры, гладкую кожу, плоский животик и пушистые волосы. Возраст безжалостен.

Лизе было чем гордиться: подруги всегда удивлялись, что она как бы, не стареет. Недавно её приглашала на свою свадьбу Кира, подруга из числа сослуживиц, которой был сорок один год. Она была счастлива, она светилась воодушевлением.

Было немножко завидно. Они с Кирой закрылись в туалете и ревели в обнимку: подруга от счастья, а Лиза от обиды и унижения. Сергей на ту свадьбу демонстративно не пошёл.

Её провожал домой Григорий Павлович, тот самый счастливый жених.

Она пришла домой за полночь.

В кухне горел свет. Сергей выглянул в окно. Лиза попросила Григория обнять её, хотела хоть как-то напомнить мужу о том, что женщина, вызвать если не любовь, так ревность.

Тщетно. Сергей издали принял, демонстративно фыркнул, изобразил презрение, и ушёл спать.

Лиза быстро разделась, накинула расшитый васильками и маками льняной пеньюар, юркнула под одеяло, обняла демонстративно отвернувшегося мужа.

Сергея передёрнуло. Он сбросил с себя руку жены, завернулся в отдельное одеяло и сделал вид, что спит.

Это был последний случай, когда их тела соприкасались. Спали супруги на широченной кровати в полутора метрах друг от друга.

Лиза придирчиво рассмотрела своё отражение, принесла банкетку и косметику, долго прихорашивалась, потом смыла следы макияжа (вот-вот должна была вернуться красавица дочь).

Решение было принято: пусть будет что будет, она попробует изменить, готова на интимную связь с любым приличным мужчиной. Правильно это или нет – неважно. Сергей сам подтолкнул её к такому шагу.

В конце концов – пусть отвечает за свои гадкие слова.

Лиза подмигнула отражению. Во сне она изменяла, и не раз, стоит попробовать влюбиться всерьёз, пусть даже отдаться без любви, лишь бы доказать себе самой – ещё не вечер, рано списывать её в тираж.

Елизавета Альбертовна зарылась в интернет в поисках сайтов знакомств, завела на одном из них, который показался наименее вульгарным, аккаунт, поместила в качестве иллюстрации весьма удачную фотографию, на которой устремилась вперёд, но оглянулась.

В кадр, кроме неоспоримых достоинств фигуры попали глаза, и игриво приподнятая левая грудь.

Волосы на фотографии развивались флагом, динамика изображения свидетельствовала о неплохой физической форме, а возраст и вовсе определить было невозможно.

Лиза написала, что готова вступить в романтические отношения (на первом этапе без интима). Описала требования к претенденту: самостоятельный интеллигентный мужчина в возрасте до пятидесяти лет, не имеющий квартирных проблем. Отметила, что возможен вариант длительной связи, если возникнет взаимная симпатия, что мечтает о трогательных отношениях, но настаивает на искренности и взаимном доверии.

Её анкету в тот же день посетил десяток мужчин, трое из которых отправили свои координаты и предложили встретиться.

Двоих Лиза отсекала сразу – претенденты не укладывались в её эстетические понятия о романтических отношениях. Но один... пятидесятилетний вдовец (так он себя отрекомендовал), Игорь Леонидович, майор в отставке, вызвал в её душе сентиментальный отклик.

Они начали переписываться и уже через несколько дней договорились встретиться на нейтральной территории, в кафе мороженое.

Лиза возбудилась, придумала себе любовь, даже помолодела внешне.

В голове звучали окрыляющие сентиментальные аккорды, поднимающие и без того взвинченное настроение. Хотелось петь и плясать.

На волне воодушевления Лиза подумала, что если случится то, ради чего была затеяна авантюра с любовником, если он окажется именно тем, каким его представляет, отказываться от более тесного интимного знакомства не станет.

Получится ли быть естественной, сможет ли подпустить к себе на близкое расстояние постороннего мужчину – вот что волновало её в первую очередь. Ну и конечно, как будет выглядеть в постели, если почувствует необходимость разделить с претендентом ложе, во что оденется для похода на свидание, какое нижнее бельё должно быть у любовницы, чтобы не случилось интимного казуса (всё-таки мужчине пятьдесят лет – не мальчик).

В голове у Елизаветы Альбертовны гулял ветер. Сквозняк выносил вовне все мысли, кроме тех, которые входили в комплексное представление о счастье приличной женщины тридцати семи лет.

“Нижнее бельё непременно сексуальное, самое-самое невообразимо непристойное, духи с возбуждающим запахом. Я тебе докажу, Серёженька – в меня не только можно влюбиться, меня нельзя не любить!”

У Лизы даже возникло желание слегка похулиганить. Она прошла на пустынную аллею и метров пятьдесят прыгала как в детстве на одной ножке, когда душа радовалась жизни. Даже стихи сочинила совершенно без напряжения. Слова и рифмы появились в голове ниоткуда.

Воздух свеж – не напиток. Так манит опьяняющий запах... я машу пролетающим птицам, почему-то спешащим на запад. Ароматные пряные травы на закате ласкают ноздри. Тонкий месяц порхает справа, облака на восток сносит. Свет небес угасает неспешно, нас крылом накрывает темень, а лягушки заводят песню с непонятной игривой темой...

Ещё с какой игривой, страшно – аж жуть! Но до чего хочется вернуться в беззаботную юность, в пору головокружительной романтической влюблённости!

Елизавета Альбертовна заметила вывеску магазина для взрослых, решила заглянуть.

– Мне нужен комплект, – Лиза обернулась, нет ли кого поблизости, и зашептала, – самого эротического белья, чтобы сразу поразить, насмерть, чтобы варианта не влюбиться не могло быть. Вот!

Она едва отдышалась от собственной наглости, – не подумайте, это не мне – дочке, но размер как у меня.

Продавщица как-то странно скосила глаза и продемонстрировала три прозрачных комплекта, состоящие из тесёмочек и ажурных полосочек: белый, чёрный и красный.

Цена убила Лизу наповал. Она разволновалась, покрылась нервными пятнами, но решительность её не оставила.

– Один раз живём, – подумала она и взяла кипельно белый.

Сознание вернулось к ней уже на улице.

Чтобы как-то остудить воспалённую нервами кожу Лиза купила два стаканчика мороженого и отправилась в парк, к пруду с лебедями.

Развратный комплект в сумочке обжигал сознание. Ей казалось, что она уже, уже изменила! Фантазия ловко унесла её на свидание, где любовник (словечко-то какое пошлое), любовник ошалел от запаха её страсти (или это она сама сошла с ума), но вошёл он в неё слёту. Глубоко, грубо, но до одури приятно.

Лиза дышала как загнанная лошадь, не в силах остановить вожделение. Она знала, помнила это удивительное состояние, предвещающее экстаз.

Вокруг были люди. Они, конечно, не знали, что с ней происходит, но могли догадаться. Нужно было что-то срочно предпринять, она ведь не шестнадцатилетняя девочка, чтобы улететь в космос на глазах у всех.

От неминуемого позора её спас мужчина, который куда-то спешил. Они синхронно хлопнулись лбами, разлетелись в разные стороны, потом долго извинялись.

Волнение как рукой сняло, не оставив следа. Зато мужчина, звали его Анатолий, проводил Лизу до самого дома.

По дороге, получилось у него это непринуждённо, словно это была традиция, купил букет цветов, успел рассказать свою биографию, начиная с детского сада, с чувством читал наизусть романтические стихи.

У подъезда новый знакомец объявил, что никогда не верил в любовь с первого взгляда и вот нате вам, – приходится согласиться, что это не сказки. Вы прелесть! Давайте встретимся... завтра. Нет, сегодня вечером, а лучше прямо сейчас. Зачем откладывать праздник восторженного сердца, именины любви. Приглашаю вас... на чашечку кофе. Знаю замечательный бар, там такая изумительная романтическая обстановка, такая располагающая к общению музыка! Обещаю не разочаровать. Не откажите, фея, я буду беспредельно благодарен судьбе. И счастлив непомерно. Вы замужем?

– И да, и нет. Всё сложно, необъяснимо. Впрочем, неважно. Давайте встретимся завтра. Там же, в парке. Думаю, вас не сильно смутит шишка на моём лбу.

– Нисколько. Я компенсирую. Любой каприз. Вы верите, что случайность – закономерность более высокого порядка? Я уверен, что вас мне послало провидение. Удивительно, что таким экстравагантным способом, но это неважно. Буду с нетерпением ждать встречи.

Анатолий минут десять ещё держал Лизу за руки, целовал, сначала тыльную сторону ладони, потом запястья, все по очереди пальчики.

Она краснела, смущалась как старшеклассница на первом свидании. Сердце колотилось, внутри что-то удивительно интимное напряглось, заставляя сдерживать дыхание.

В сознании вдруг всплыл призрак прошлого, больно сжал сердце. Ах, если бы это был Сергей!

Лиза почти забылась.

Всё же ей было приятно подобное (как тогда, в молодости) внимание.

Анатолий выглядел ровесником, возможно даже несколько младше, был весьма привлекателен внешне, а самое главное – от него пахло, что вовсе невозможно понять, Серёжей.

Лиза даже забыла, что на вечер у неё назначена встреча с Игорем Леонидовичем, что стоят они с восторженным, недвусмысленно флиртующим с ней знакомцем под окнами квартиры, где она проживает с дочкой и мужем.

Елизавета Альбертовна опрометчиво не задумалась, что букет цветов и расшаркивания привлекательного мужчины говорят о грехопадении лаконичнее и красноречивее, чем объявление в местной газете.

Ей почему-то не было дела, что за двадцать или около того минут свидания-расставания её нравственное падение стало предметом внимания целого дома, что в числе зрителей случайно оказался муж.

Лицо ошарашенной женщины светилось как начищенный, закипающий уже, медный самовар, что возмутительно непристойное поведение стало импульсом, запустившим цепь непредвиденных реакций, изменивших в одно мгновение опостылевшую жизнь, подняв её акции на бирже любовных отношений до небывалых высот.

Серёжа не кричал, не возмущался, не фыркал. Неожиданно для Лизы муж помог снять пальто, поставил перед ней тапочки, принял букет, вложил его в вазу.

– Ты наверно устала, Лизонька, сейчас будем ужинать. Яичница с беконом и зелёным горошком тебя устроит? Кстати, у нас после визита Плотниковых осталась пара бутылочек вина.

Лиза ошалело смотрела на Сергея, не понимая, что происходит, но решила не вмешиваться, досмотреть до финала странный спектакль, который пришёлся ей по вкусу.

Чтобы усилить эффект присутствия, добавить остроты в небывалую ситуацию она решила прыснуть за ушки по капельке духов с феромонами.

Лиза открыла сумочку. На самом верху лежал комплект эротического белья. Рука её остановилась было, но вспомнилась недавнее заявление муженька о том, что ему без разницы, влюбится она или решится изменить, поэтому она смело выложила ажурное бельё на тумбочку.

Лицо Сергея вытянулось, потускнело. Он даже постарел в одно мгновение.

Лиза посмотрела на него и всё поняла. Женская интуиция сработала безотказно, молниеносно предоставив решение казуса.

– Это Катеньке. Я давно обещала ей молодёжный комплект.

– А мужчина, а цветы, я что – слепой!

– Всё просто. Это коллега, Анатолий, у него сегодня ночью родилась дочка. Счастливый человек способен на безрассудства. Он меня даже на свидание пригласил, – Лизе было важно увидеть реакцию мужа на подобное заявление. Она ещё сомневалась, не могла поверить, что сумела-таки взбудоражить, встряхнуть своего мужчину.

Лиза закинула руку за спину, сложила пальцы крестиком.

– Что ты говорил про вино и яичницу?

Сергей засуетился, засиял.

Романтический вечер был поистине волшебным. Даже Катенька была в восторге. Подарок ей тоже понравился, но примирение родителей куда больше.

Ночь после праздничного застолья стала поистине сумасшедшей.

– Старый друг лучше новых двух, – подумала удовлетворённая Лиза, обнимая мужа, который неожиданно вспомнил про любовь, про неоспоримую пользу активного секса.

Пятнадцать секунд

*Мне не страшно – страхи позади,
Я дрожу скорее от волнения.
Сердце так колотится в груди,
Словно я иду на преступление.
Вера Сергеевна Бутко*

Виталий любил вечера в пятницу. Этот день был наполнен приятными устоявшимися ритуалами, которые сулили удовольствия и расслабление после недели, заполненной до отказа совсем не творческой трудовой деятельностью в душном офисе.

На семнадцать часов как обычно была заказана сауна, где он встречался со старыми приятелями. Щедрый жар, энергичные манипуляции веником с ароматным берёзовым духом и освежающие водные процедуры поднимали настроение, наполняя каждую клеточку тела энергией, желанием жить.

Приятное во всех смыслах мероприятие прошло легко и задорно. Прекрасно в этот раз было всё: замечательные рассказы и шутки, душистый чай, расслабляющий массаж. После сауны немного посидели в холле, с удовольствием выпили по кружке пива.

Друзья решили через часик продолжить вечер в ресторане, а у Виталия были совсем другие планы. Сегодня в баре “Романтика” был вечер бардовской песни, на который были заявлены несколько признанных корифеев жанра.

Он тоже сочинял и немного пел, правда, стеснялся исполнять свои творения на публику. Тем не менее, пропустить замечательное мероприятие не хотелось. В такие вечера в баре собиралась особенная, степенная публика, избегающая шумных мероприятий.

Разговаривали мало. Внимание посетителей было направлено на небольшую сцену, на которую выходили солисты и аккомпанирующие им музыканты.

Завсегдатаи и исполнители вели себя как старые знакомые.

Виталий наслаждался талантливыми балладами, ритмическими гитарными аккордами, рождающими навязчивое желание искать и находить, восхищаться и радоваться, любить и ненавидеть, сострадать, горевать, гореть.

Ему тоже хотелось спеть, но мешала природная стеснительность.

Чтобы преодолеть робость Виталий выпил пару порций коньяка. В голове зашумело, кровь становилась всё горячее.

Чего именно пел, Виталий хоть убей – не помнит, но аплодисменты, следовательно, зрительские симпатии, в мозгу отпечатались чётко. И ещё она, скромная, но изысканно, дорого одетая девчонка, неожиданно наградившая его по-настоящему интимным поцелуем.

Виталий осторожно, чтобы не потревожить незнакомку, вынул затёкшую руку у неё из-под головы. Несмотря на довольно плотные пары алкоголя, аромат, исходящий от упругого тела девушки, лицо которой сложно было разглядеть в темноте, да и лежала она, уткнувшись в подушку, завораживал, будил первобытные влечения.

Мужчина напрягся, вспоминая детали и подробности почти стёршегося из памяти вчерашнего вечера. Слишком много событий форсировано разворачивалось в баре.

Гостью, кажется, зовут Софья. Или София. Белая бархатистая кожа с мраморными прожилками, острые плечики, рыжие вьющиеся волосы.

Виталий не смог удержаться от соблазна осмотреть, исследовать, насколько это возможно в сумеречном свете, обнажённое девичье тело, сгорая от любопытства, заглянул под одеяло. Упругие ягодицы, осиная талия.

Видение вдохновило и обрадовало. Ужасно захотелось близости, но...

Знать бы, что и как происходило накануне. Действие алкоголя на потенцию и поведенческие реакции непредсказуемо. Как жаль, что в памяти не осталось ни впечатлений, ни эмоций: слишком много восторженных похвал, слишком много алкоголя.

На столе стояли и лежали бутылки из-под шампанского, бокалы с недопитой жидкостью, обёртки от шоколада, махровое полотенце и скомканные девичьи трусики. На полу в беспорядке валялись мужские и женские вещи, подаренная друзьями на последний день рождения концертная гитара.

Виталий прислушался к едва слышным звукам дыхания ночной гостьи.

Какая она, кто, почему оказалась в его холостяцкой постели?

Мужчина не мог вспомнить детали знакомства, обстоятельства, сблизившие его и нечаянную любовницу. Не в его правилах вести себя в любимом баре подобным образом. Туда он приходил не знакомиться, не развлекаться. Виталия привлекала раскрепощённая творческая обстановка, близость к энтузиастам песенного жанра, к исполнителям, музыкантам и поэтам. Романтическая составляющая творческих встреч ни когда не выходила за рамки приличий. Да и не любил он знакомиться с девушками наспех.

И вдруг такое отморозить.

О чём говорили, чем делились, насколько близко познакомились? Судя по обстановке, по следам, оставленным гусарскими посиделками, по откровенной обнажённости гостьи, процесс интимного общения зашёл слишком далеко.

Всеми виной коньяк, который он пил для храбрости, к тому же без закуски и после сауны, которая, что известно каждому, значительно ускоряет обменные процессы. Хмель проник внутрь мозга уже от первой порции, а ведь была ещё вторая, и кто знает, возможно, третья, четвёртая.

В голове шумело, но близость шикарного девичьего тела оказалось замечательно сильным антидотом. Естественным и верным решением было бы...

Виталька одним пальчиком, едва касаясь, провёл по бедру прелестницы, отчего мгновенно восстала его мужская гордость. Сердце заколошматилось в ритме танго, дыхание стало прерывистым, горячим.

Несколько остудила его романтические устремления лишь здравая мысль, что интимное продолжение без взаимного согласия, без предварительного стимулирования, может закончиться вполне резонными претензиями доверившейся ему дамы.

Обязательства и матримониальные устремления в его планы точно не входили. В двадцать пять лет слишком рано обзаводиться семьёй.

Да и кто эта прелестная девушка, какая она на самом деле! Что, если она охотница за квадратными метрами, за определённым социальным статусом? Мало ли в наше беспокойное время аферисток.

Нет, нет и нет! Нельзя нырять с головой в омут, если не знаешь глубину русла и береговой фарватер. Можно на что-либо неприятное напороться. По ягодицам и талии сложно узнать человека, его к тебе отношение, особенности характера, тем более в столь сладкий момент, когда вся витрина перед тобой, в зоне доступности.

Но, хороша, зараза! Так бы и вдул...

Виталий лихорадочно соображал, как быстрее и без особых хлопот расстаться с гостьей, не потеряв при этом респектабельность и впечатление о себе как о человеке интеллигентном, глубоко порядочном, с изрядной долей творческого потенциала.

Сочинять и петь песни – одно, использовать благодарных слушательниц как переходящий из рук в руки приз – совсем другое. Слишком уж просто они познакомились. И сразу постель.

Честно говоря, вспомнить нечего. Было или не было чего – тайна, покрытая мраком. Был бы фонарик, можно было бы провести тщательный осмотр места происшествия. Как-то не очень романтично выглядит ситуация.

Но девушка здесь, лежит в изумительно доверчивой позе, в прекрасном со всех сторон бесстыдстве девственной наготы, благоухает так, что дух захватывает. Протяни руку и почувствуешь, как бьётся юное сердечко, как курсируют дыхательные мышцы, как вибрирует под напором кровяного тока тончайшая бархатная кожа.

Наблюдать за спящей гостьей было на удивление приятно, но нагнетаемое не без помощи пикантных мыслей кровяное давление судорожно пыталось выключить из сети напряжения мозг. Переполюющие восприимчивое воображение эмоции вызывали бурление и зуд во всех чувствительных областях возбуждённого близостью тела.

Руки сами собой тянулись по направлению к источнику интимной гравитации, такому соблазнительному, такому желанному, что дух захватывало.

Эротические фантазии вкупе с лежащей в нескольких сантиметрах прелестницей стимулировали непредсказуемые физиологические реакции, подталкивали всё же воспользоваться благоприятным моментом. Вон ведь как соблазнительно девчонка раскинула ножки.

Виталий не заметил, как сантиметр за сантиметром сдвигает в сторону одеяло, как ложится в удобную для восторженного созерцания нагой красоты позу. Кожа прелестницы под влиянием свежего воздуха мгновенно покрылась мурашками, грудь наполнилась кровью, на удивление яркие сосочки напряжились, давая и наблюдателю повод обратить, наконец, внимание на естественную реакцию собственного друга.

Греховный соблазн сосредоточился на впалом животике, на дорожке, ведущей вниз, меж изумительно белых, трогательно беззащитных бёдер. Когда похотливо восторженный взгляд проследовал от коленей нимфы к перекрестью прелестных ножек, София потянулась и сменила позу, открыв любопытному взору перламутровую раковину, вход в которую был закрыт, но мысленно Виталий уже давно проник внутрь.

Утро стремительно проникало сквозь не очень плотно зашторенные окна. Видно стало лучше, но начала таять загадочность, то, что скорее угадывалось, чем было на самом деле.

Девчонка была самая обыкновенная.

Остаться с Софией на весь выходной день, особенного желания не было. Виталий не любил неожиданные сюрпризы, особенно, когда можно пару лишних часиков понежиться в постели, помечтать, покатать в уме камешки красивых слов, из которых приливная волна творческого воображения способна создать непростые, изысканные рифмы.

Планы на субботу и воскресенье были определены заранее, отступать от привычного течения событий Виталий терпеть не мог, именно поэтому и не стремился к “семейному счастью”, которое считал преждевременным и нерациональным.

Вот если бы слегка покувыркаться по обоюдному согласию, обогатить утро позитивными впечатлениями и сразу же, без сантиментов и донкихотства, расстаться. Но как!

Самый лучший выход – приготовить кофе с парой бутербродов, разбудить и заявить, что срочно необходимо отбыть на заранее запланированную встречу. Чтобы не вызвать подозрений, дать номер телефона, в котором как бы случайно перепутать одну или две циферки.

Пусть хоть обзвонится. Главное, чтобы испарилась без эксцессов.

От этой мысли настроение слегка подскочило. Немного – на пару-тройку градусов, не более.

В этот момент София зашевелилась, перевернулась к Виталию лицом и во сне состроила уморительную рожицу. Аккуратные округлости с яркими восставшими сосочками смотрели на него во все глаза, в очередной раз вызвав взрывную реакцию внизу живота.

Пора было на что-то решаться. Пан или пропал. Спокойно смотреть на это неприлично раздражающее, назойливо залезющее в мозг зрелище, было попросту невозможно.

Однако София спала сном невинного младенца, не подозревая, какие гормональные страсти бродят во взбудораженной похотью крови незадачливого любовника.

Она опять повернулась, сбросив одеяло, которым Виталий старательно её укрыл, чтобы отвлечь внимание от соблазнительных артефактов, бесстыдно явив слегка успешему отойти от предыдущего эмоционального порыва взору цветущий над лоном куст рыжей растительности. Мужчина невольно принюхался, как кот, учуявший сметану.

Его лихорадило и трясло, заставляя помимо воли напрягать восставшее естество и не менее напряжённые чресла.

София открыла один глаз, улыбнулась, послала губами-вишенками воздушный поцелуй.

– Ты так плотоядно смотришь на мою интимную причёску, на животик, на грудь. Не очень честно наблюдать за спящей девушкой без её согласия. Это похоже на подглядывание в замочную скважину. Скажи, хоть, что я тебе нравлюсь, не скупись. Ты же рыцарь.

– С чего ты взяла!

– У, бука, я что, нарушила сокровенные планы! Есть что-то важнее общения и близости, или ты меня боишься? Шалунишка! Я не ем мальчиков, которым больше восемнадцати лет. Ладно, не напрягайся, не собираюсь лезть к тебе в душу. Постель – не повод для знакомства, уже поняла. Ты закаменелый холостяк, это я поняла сразу. Обидно. Кстати...

– Что ещё... я что-то вчера натворил?

– Да нет. Просто хотела сказать... теперь даже не знаю, насколько это для тебя важно. У нас ничего с тобой не было, кроме вполне целомудренных поцелуев. То, что ты видишь, это бонус, приз зрительских симпатий. Возможно, аванс. Я могла бы потребовать сатисфакцию, но ты слишком напряжён, чтобы принимать важные решения.

Ты вообще не склонен принимать серьёзных решений, тебя всё устраивает. Зачем усложнять то, что с любовью выстроено в разумную, логически продуманную цепочку событий, в которую я естественным образом не вписываюсь.

Не знаю, почему, возможно тебе не понравилась моя не вполне обычная внешность, или вызывает опасение лёгкость, с которой ты завоевал право возлежать на интимном ложе с рыжей бестией. Кто она, зачем здесь, чего добивается! Так ведь думаешь, юноша. Впрочем, теперь неважно. Все вопросы, которые я хотела задать, и все ответы на них, я получила, заглянув в твои глаза. Мне, пожалуй, пора. Не стану больше утомлять не очень желанным присутствием. Извини!

– Да-да, я понимаю. Наверно ты куда-то спешишь. Чай, кофе, душ... или сначала завтрак. Могу предложить пельмени, яичницу с беконом.

– Сначала в ванну. Секса у нас не было, но я была так возбуждена. От меня наверно за версту пахнет похотью. стакан холодной воды и таблетку аспирина, если имеется в этом доме подобная роскошь, больше ничего не нужно.

Виталий сжался, отвернул взгляд. Ему вдруг ужасно захотелось предложить Софии остаться. Ненадолго. На часик или два, но ему вдруг стало стыдно своей физиологической несостоятельности как любовника, которую он внезапно почувствовал. Возбуждение от созерцания ослепительной наготы в течении всего утра высосала из него все соки.

Потенция и желание таяли вместе с уверенностью в себе.

София игриво посмотрела Виталию в глаза с искоркой озорства, намеренно чувственно потянулась, не пряча интимные подробности обнажённого тела, с придыханием огладила округлые, соблазнительно выпуклые бока, бёдра, нежно дотронулась до груди.

Мужчина вспотел под её лукавым взглядом, стыдливо отвернулся, пошёл на кухню ставить чайник. Он был весьма благодарен гостье, что та не стала плести коммуникативные сети,

забрасывать удочку вопросов с наживками “на слабо”, требовать приготовление завтрака и прочие женские штучки, направленные на то, чтобы закрепить интимную победу.

София вела себя совсем не так, как Виталий привык видеть, когда приглашал девочек на ночь блаженства. Те обычно капризничали, требовали повышенного внимания, сходу начинали хозяйничать на кухне и в шкафу, надевали вместо халата его любимую рубашку, предлагали совместное купание в ванне, намекали на бесконечное продолжение праздника похоти.

Гостья вела себя уверенно, но оставалась учливой и вежливой, не пыталась самостоятельно предпринимать какие либо действия. Более того, София словно угадывала мысли Виталия, упреждая поведением и репликами его сокровенные желания.

– Извини, Виталик, что так вышло. Ты был перевозбуждён и пьян, только и всего. Мне понравилось у тебя в гостях, понравилось, как ты пел, да и сам ты, если быть до конца честной, понравился. Спасибо за незабываемый вечер! Мне вчера очень нужен был спасательный круг, ты его бросил.

София вытащила из сумочки красный фломастер, взяла его ладонь и размашисто написала номер телефона. Виталий, покраснев до корней волос, ответил тем же, вместо шестёрки нарисовав девятку.

Девушка тряхнула огненными кудрями, поцеловала мужчину в щёку, послала в его сторону воздушный поцелуй и выпорхнула за порог.

Через пару минут хлопнула подъездная дверь, незнакомка оглянулась, искала взглядом окно Виталькиной квартиры. Нашла.

Интересно, о чём она думает, что чувствует?

Виталию было неудобно. Он боялся, что передумает, что расчувствуется, расслабится, и оставит Софию у себя дома, что последствия непродуманного, на взбудораженных близостью эмоциях, шага, могут непредсказуемо, возможно драматически изменить судьбу, лишив раз и навсегда возможности выбирать и быть по-настоящему свободным.

Влюбляться и любить в ближайшие жизненные планы не входило. Тем более что от Софии исходила таинственная энергия, которая показалась ему крайне опасной.

Следы очаровательной гостьи через пару минут засыпал довольно сильный снегопад, ветер агрессивно развеивал полы её распахнутого почему-то пальто, и концы шарфа, дорисовывав картину странного расставания.

Девушка уходила в снежную метель, туда, где для Виталия не было будущего.

На улице было не просто зябко – морозно.

Виталий выключил свет, тайком наблюдая, как София, точнее, её, то исчезающий, то на мгновение появляющийся силуэт, стоит на тротуаре, голосуя проходящим мимо автомобилистам.

На минуту ему стало не по себе.

– Ничего, – как-то злорадно подумал он, – не маленькая. Даже дать по-человечески не смогла. Да пошла она! Я один, а их много. И хорошо, что ушла.

На удивление после ухода гостьи настроение провалилось в бездну, очень остро подступило ощущение неприкаянного одиночества, а мысли, как не прогонял их Виталий, крутились вокруг зачарованного образа Софии.

Невольно вспомнилась пышущая жаром упругая попка, яркие вишенки восставших сосков, талия объёмом аккуратно в обхват ладоней, огненные кудри, лукавый взор, алые губки изогнутой формы, соблазнительный силуэт, рыжий кустик внизу живота.

Виталий никак не мог понять, что в этой женщине было не такое, как у всех предыдущих соблазнительниц, которых он за ночь успевал изучить вдоль и поперёк.

Суббота была безнадежно испорчена. Ничего, совсем ничего не хотелось.

Мужчина повернул тыльную сторону ладони, на которой незнакомка написала номер телефона. Три цифры оказались стёртыми.

Это была единственная связующая нить.

– Вот и хорошо! Провидение решило этот вопрос не в её пользу. Случайностей не бывает, это наверняка знак свыше.

Однако заснуть, как было запланировано, не вышло.

Воскресенье выпало из жизни столь же бездарно.

На работе Виталий чувствовал себя не в своей тарелке, всё валилось из рук. Мало того, директор заставил форсировать давно и безнадежно зависший проект, заказчики которого раз за разом усложняли условия, требовали исправления и доработки предыдущих, уже и без того вылизанных позиций.

Скверное настроение, всю неделю балансирующее около ноля, стало вовсе отвратительным, когда Виталия назначили руководителем команды разработчиков, которым поручили немедленно сдать проект оплатившей заказ фирме.

Несколько дней команда не вылезала из офиса, зачищая огрехи, готовила детальную презентацию, пыталась предвосхитить любые вопросы, которые могли задать исполнителям покупателя интеллектуального продукта.

Каково же было изумление Виталия, когда заказчиком проекта оказалась София Витальевна Соколова, генеральный директор ООО «Спектр».

Да-да, та самая незадачливая ночная гостья.

Сегодня она выглядела гораздо эффективнее, чем в момент расставания.

Сдача разработки оказалась двойной пыткой. С руководителем команды творилось невообразимое: он вёл себя как на первом в своей жизни экзамене, как нашкодивший мальчишка перед возмущённым директором школы.

Лицо Виталия горело и плавилось, голос то и дело пропадал, аргументы внезапно исчезали из памяти, логическое мышление отказывало.

София Витальевна не замечала его в упор.

Долгие четыре часа гоняла директриса команду по всем пунктам проекта, словно сама была разработчиком. В итоге заказ был сдан, но вопросы остались.

– Виталий Леонидович, в целом мы работой удовлетворены, но есть несколько пунктов. Сейчас мы подпишем договор, в котором недоработки и сроки их исправления будут детально обозначены. Вы, как руководитель команды проектировщиков, должны его подписать. Пройдите ко мне в кабинет. Остальных прошу в буфет. Столы накрыты. Отдыхайте. Спасибо всем!

– Вы меня не узнали, София Витальевна?

– А должна! Что-то такое вспоминается смутно. Я, между прочим, едва не отморозила ноги в летних туфельках. Не могла предусмотреть, когда отправлялась в бар, что попаду в гости к бесчувственному самовлюблённому мальчишке, который не может догадаться, что с домашнего телефона можно вызвать такси. Ты же меня буквально выгнал из дома, эгоист. Мог, по крайней мере, проводить. Не развалился бы. Я не виновата в том...

– Простите, София Витальевна, я идиот, в чём сознаюсь. Не скажу, что добровольно. Вы приперли меня к стенке. Мне стыдно. Разрешите заглядить вину.

– Интересно, каким образом ты считаешь возможным реабилитироваться?

– Традиционным. Приглашу в ресторан, или в тот же бар. При всех присутствующих встану на колени и попрошу прощения. Казнить или миловать – в вашей власти.

– Допустим, есть повод подумать. Для чего тебе это, я ведь не субтильная институтка, чтобы обижаться и надувать губки. Это был эпизод, пусть не очень приятный, но вполне естественный, когда связываешься с человеком, который заиклен на себе любимом. Как говорится – жизнь без прикрас. Какой смысл останавливать кадр, делать дубли, смаковать подробности, когда всё ясно без слов? Это не наше будущее. Расслабьтесь, Виталий Леонидович. Я не собираюсь мстить, никогда не путаю профессиональную деятельность с душевными порывами.

– Вы мне нравитесь.

– Ну и, что с того... а как тебе моя секретарша, Юленька, а ваша дизайнер, Татьяна Михайловна? Она такая душечка. Я бы непременно в неё влюбилась, если бы была Виталием Леонидовичем.

– Вы меня провоцируете.

– Интересно, чем?

– Заставляете признаться в любви.

– Во как! С этого места подробнее. А мужу об этом сказать не побоитесь?

– Какому мужу?

– На такой расклад ты не рассчитывал? Маленький-маленький шалунишка. Это взрослая жизнь, Виталик. Неужели ты расстроился, иди, пожалею. По головке поглажу. Наверно тебе стало стыдно не за сам позорный поступок, за то, что, выглядел не в лучшем свете как мужчина. Желаеть доказать себе, и мне, дерзкой девчонке, что всё ещё мужчина! Извини, я не игрушка. И да, я пошутила, мужа у меня нет, но есть дочка.

– Я могу хотя бы в перспективе рассчитывать на прощение?

– Почему бы нет! Женитесь на мне, Виталий Леонидович. Обещаю быть самой-самой. Надоело, знаете ли, жить одной. Но шутить со мной не нужно, не советую. Я дама решительная, в особенно неблагоприятном случае и убить могу, если что. Надумал! У тебя есть пятнадцать секунд, чтобы принять решение, время пошло.

– Если это не злая шутка, я согласен. Точнее, я прошу твоей руки. Твоей и дочки. Как её зовут?

– Ещё не знаю, мы ведь пока не приступили к процессу зачатия. Хотя, если ты не против, конечно, назовём девочку Оксана. Оксана Витальевна Серебрякова. Ну что, готов объявить нашу помолвку?

– Сам себе удивляюсь. С удовольствием. Что же вы с нами, мужчинами, делаете! А теперь будь серьёзной, мне сложно произнести такое. У меня это впервые. Я тебя люблю, София!

Modus vivendi, или лет через тридцать

Ночь накрывает нас тёмным, большим одеялом.

Звёзды на небе – рассыпанный серпантин.

Где бы ты ни был, и что бы с тобой ни стало –

Ты не один.

Айсина Шуклина

Буквально все знакомые вокруг Веньки упорно выстраивали отношения, создавали комфорт, налаживали быт, суетились, радовались жизни. Все-все. А у него как назло отношения разваливались, рассыпались в прах, превращались на глазах в тлеющие головешки.

Что-то внутри и снаружи горело, расплывалось, плавилось, непонятно куда и зачем просачивалось, отправляясь со звоном и скрежетом туда, где даже радость превращается в прах.

Пепел недавних драматических событий струился по ветру времени, оседал в параллельной Вселенной, превращаясь в не очень приятные воспоминания.

Прошлое – нормальное, обычное, как у всех прошлое, невыносимо раздражало вульгарной нелогичностью случившегося. Веньке казалось, что там, в былом, он был непомерно счастлив.

В один миг (разве же в один) семейная идиллия (была ли она таковой) расплавилась, осыпалась брызгами отвратительно неприятных знаний, пролилась ядовитым дождём отчуждения искренних чувств, отравила удивительно гостеприимный мир, погасила жаркий очаг уютной романтической реальности, унесла в неизвестные дали тепло и нежность доверительных интимных отношений.

Проходили дни, недели, месяцы невыносимо удушливого одиночества, ощущения абсолютной ненужности никому в целом мире, в полной бессмысленности неприкаянного существования.

Казалось, что уже прошли годы изоляции в меланхолии.

На самом деле Венька не был одинок. С ним жили двое прекрасных ребяташек, ради которых можно и нужно было карабкаться наверх, к светлому будущему, искать прежнего, настоящего себя.

Если бы не дети, он, пожалуй, мог бы запросто перешагнуть черту между былью и небылью.

Дети, это дети. Самим своим существованием они несут радость, но это всего лишь маленькие беззащитные человечки. Для ощущения полноты жизни мужчине необходима верная спутница. Не какая-нибудь, имеющая соблазнительные признаки привлекательной женственности, а самая лучшая, единственная, которой можно доверить всё, что угодно – даже судьбу.

Венька – человек сугубо семейный, он родился таким.

Представьте, что некие люди пришли и предъявили претензии на крышу в вашем доме, на пол или стену. Стоят, нагло усмеваются, тычут в нос документом, где чёрным по белому со штампами и подписями означено: не твоё, отдай. Левая стена и потолок – твои, а всё остальное – извини-подвинься.

Собственно Веньку никто не спрашивал. Сначала жену брали в аренду как бы для поддержания тонуса (она умела быть душой компании, скульптором хорошего настроения, певуньей и тамадой) на вечер, потом на сутки.

Лиза умело находила аргументы, почему необходима именно теперь, и именно там, а не здесь – дома. В близости никогда не отказывала, но помаленьку отдалялась от детей и от мужа. Там где всегда праздник, однозначно интереснее.

Венька догадывался, чувствовал: что-то в её стремлении участвовать во всех без исключения праздниках было не так. Но точно не знал – что именно.

Необоснованно предъявлять претензии не хотел, не мог. Да и не верил в то, что женщина, с которой прошёл огонь, воду и медные трубы может поступить с ним жестоко, гадко. Любил Венька свою Лизоньку. Любил и всё тут.

Её лично двойная жизнь и связанные с ней тайны приводили в восторг. Лиза всегда была весела и жизнерадостна вне дома, но задумчива и молчалива в присутствии детей и мужа, объясняя такое несоответствие элегантно латинской фразой “*Modus vivendi*”.

Модус так модус, думал Вениамин и терпеливо готовил ужины после работы, не потрудившись перевести загадочное изречение. Затем стирал, прибирался, проверял уроки у детей, между делом одним глазком поглядывая в телевизор или книгу, на что вечно не хватало сил и времени, а потом ложился спать.

Веньке приходилось рано вставать на работу, поэтому распорядок дня он выдерживал строго.

Лиза, пока муж хлопотал по хозяйству, читала книжки, уютно устроившись в кресле, и искоса поглядывала на часы. Уложить и ублажить мужа она никогда не забывала. Ритуал исполнения интимного ритуала занимал минут тридцать. Дальше – полная свобода.

Венька после любовного поединка засыпал мгновенно, а её ждали романтические приключения.

О Лизкиных похождениях знали все, в том числе друзья и дети, которых она ловко дурачила, покупая мелкими уступками, подарками, или умело пугала.

Венька старался обеспечить семью, постепенно повышал уровень и качество жизни самых родных людей, но не знал и не понимал, что любовь и счастье при видимом благополучии могут быть иллюзией, галлюцинацией.

Однажды Лиза окончательно растворилась на просторах нескончаемых праздников жизни, не потрудившись забрать в новую жизнь даже личные вещи. Ей, как стрекозе из басни, под каждым листом и кустом предлагали весь ассортимент необходимых материальных ценностей, которые могли удовлетворить невзыскательные сиюминутные потребности в превратно понимаемом счастье.

Её *Modus vivendi* не предусматривал заботиться о близких, и о завтрашнем дне. Жизнь – это то, что происходит здесь и сейчас, рассуждала она, что дарит радость без видимых усилий. Стоит ли напрасно терять время на бессмысленные обязанности и обязательства, чтобы вычеркнуть из отведённого судьбой числа лет сколько-то ещё монотонных будней, если жизнь манит бесконечной чередой бесхитростных земных радостей?

Лиза наслаждалась каждым мгновением по максимуму, не отказывая себе в том числе в безудержном чувственном сладострастии. О её лихих и пикантных похождениях не сплетничали разве что ленивые до слухов счастливицы.

А Венька страдал, потому, что тень подвигов жены падала и на него, а ещё оттого, что любил эту женщину, несмотря ни на что.

У него был совсем другой модус, иные представления об устройстве и ощущении мира, иной образ жизни и способ существования, который требовал, чтобы вместе с ним строительством судьбы занимался родной и близкий человек.

Но Лиза не жила, а существовала, не вместе, а рядом, не имея желания прилагать усилия на благо семьи, а тепло и нежность раздавала даром где-то на стороне.

Веньке как вода или воздух необходима была родная, любимая женщина. Он не мог жить один и для себя, оттого страдал, если не к кому было прижаться всем телом, ощутить живое тепло, обменяться переживаниями; если не было того, кто поймёт и поддержит, для кого имеет смысл напрягать мышцы и нервы.

Дети не в счёт – это святое, главное, это неразрывная генетическая связь, кровное родство. Жена должна быть намного ближе физически и духовно.

Только не Лиза.

Веньке необходимы были искренние нежные прикосновения, ощущение перетекающей из тела в тело энергии, красноречивые многозначительные взгляды, откровенные беседы, признания в любви, трогательная забота, даже претензии и скандалы, которые тоже мотивировали совершенствоваться.

Сначала он мечтал, что жена одумается, вернётся и жизнь наладится, искал с ней встреч, пробовал беседовать, убеждать.

Лиза смотрела на него с презрением, говорила ужасные слова, старалась уколоть как можно больнее необоснованными высказываниями о его мужской состоятельности.

Венька готов был идти на уступки, чтобы найти точку равновесия. Потеряв баланс и ориентиры, он чувствовал себя беспомощным и несчастным.

К нему приходили друзья, пробовали успокаивать. Подруги жены, для которых Венька в сложившихся обстоятельствах представлялся лакомой приманкой, навевались в гости с вином и готовностью преподнести себя в качестве утешительного приза.

– Нет, не то... не то и не так, – упорствовал мужчина, который полагал, что детям необходима мать, а ему Лиза.

Вокруг беспорядочно сновали мужчины и женщины, бестолково суетились, копошились, отыскивая в бытовой грязи ничего не значащих проблем философский камень, превращающий бытовой мусор в самородное золото.

Они чего-то упорно решали, к чему-то призрачному стремились: притворялись, изворачивались, хитрили, лгали, чтобы в курятнике человеческой жизни оказаться на жердочку выше.

Это была чужая, неинтересная, чуждая ему жизнь. Ему нужна была другая, та, в которой есть единственная любимая.

Венька закрывал глаза, погружался в воспоминания, в которых центральное место по-прежнему занимала жена, статус которой, несмотря на долгое отсутствие, не изменился. Но нужна была та, другая Лиза, из совсем непохожей, растворившейся в прошлом жизни, хотя старался забыть и её, и ту боль, которую эта женщина причинила ему и детям.

От прошлого остались лишь растущие и взрослеющие не по дням, а по часам плоды обоюдной любви, больше ничего. А его несло потоком событий куда-то не в ту в сторону, смывало в сточную канаву на обочине плодородной долины настоящей жизни.

Связать свою судьбу с подругами жены он не мог: те были немым укором, напоминанием о былом, насмешкой над уничтоженными чувствами. К тому же, все они были замужем.

Веньку удивляло это странное обстоятельство: замужние женщины запросто, ничтоже сумняшеся, нисколько не смущаясь, предлагали себя в виде эротического сочувствия, как наивные девочки, не ведающие, чего творят.

Соблазнить его запретным лакомством было сложно, но не думать о женщинах в эротическом контексте избалованный продолжительным супружеством Венька не мог.

Он ярко представил в воображении, что соглашается принять в дар ту или другую подругу, разжигал в себе страсть.

Если нет возможности прикоснуться к любимой, можно насладиться, хотя бы выдуманной интимной игрой.

Вообразить, когда нереализованные эмоции давят на мозг, можно что угодно, причём по-настоящему: с интимными диалогами, чарующей музыкальной мелодией, с нежными касаниями.

С Ириной или Светкой, например, он мог мысленно флиртовать сколько угодно. Представлял, как целует, как раздевает донага, чувственно прижимался к бархатистой коже.

Дерзкие переживания с некоторых пор не покидали сознания. В иллюзиях Венька вёл себя безрассудно. В них ему были доступны любые соблазны, запросто исполнялись самые откровенные, самые порочные желания. Волнующие кровь фантазии не имели границ, непристойности возбуждали, стимулировали желание. Воображаемая Светка громко стонала, чувственно изгибалась, истекала липкими соками, источала аромат неземной страсти, шептала ласковые слова, искусно ласкала пульсирующее от избытка энергии желание.

А что, он ещё молодой, тридцать шесть лет для мужика не возраст. Потенция и желание дай бог каждому.

– Причём здесь моё желание, – думал, очнувшись от похотливого наваждения Венька, – я это я, тем более в грёзах, а как же Светка! Она что, если соглашусь принять в дар её темперамент и тело – отряхнётся и пойдёт без зазрения совести убажывать своего мужа. Этот олень, как недавно я, даже знать не будет, что мы с ним уже практически родственники, что я нагло пасся на тех же лугах.

– Бред, грязь! Нет, не моя эта тема. В любом городе тысячи женщин живут без мужчин. Тысячи. Они ищут меня, я – их. Ау! Где вы, прекрасные одинокие валькирии, которым совсем не повезло в любви!

Не может быть, чтобы на огромной Земле не было для него подходящей пары. Посмотрите вокруг, оглянитесь: все желающие создают романтические союзы, покупают квартиры, строят дома, справляют свадьбы, рожают детей, обустраивают быт. Все без исключений. Кто хочет и кто может.

Перечеркнуть прошлое к чёртовой матери и плыть. На моторе, на вёслах, пешком – без разницы, лишь бы вперёд, в светлое будущее, где есть обетованные берега, где ждут и возможно полюбят. Мысли материальны. стакан воды и одинокая старость – участь тех, кому ничего не нужно.

Двое детей, это не приговор, а козырь, как два туза в рукаве. Венька знает, чего хочет от жизни, от супружества, от любви, от совместного быта.

Ему нужна женщина навсегда: родная и близкая до степени смешения, как разноцветные жидкости в одном прозрачном стакане. С ней Венька хочет засыпать, с ней просыпаться: сегодня, завтра, всегда. Женщина, с которой даже через много десятков лет, когда доживёт до маразма и болезней можно не бояться будущего.

Не верит Венька, что всех порядочных баб как горячие пирожки давно разобрали. Быть такого не может. Действовать нужно, искать. Что толку от пустых страданий!

Вот только где искать: в интернете, на улице, в парке, в театре, на выставке картин, где!

Где скрываются, где обитают целомудренные душой и телом Артемиды, Афины и Гестии, *Modus vivendi* которых не похож на коктейль или винегрет из вульгарных страстей. Где женщины, лишённые отвратительных желаний, порочных и безнравственных привычек, безпринципной похоти, зависти и лжи?

Сайты знакомств, коучи и тренинги отпали сами собой. Стоило только окунуться в эту сомнительную среду, в которой как рыбы в воде плавали лишь охотники мимолётных утех без тормозов и обязательств и их потенциальные жертвы обоего пола.

Учить и переучивать Веньку – необходимости нет. Он созрел для жизни, для настоящих отношений, для трудного счастья, которое можно не в лотерею выиграть, а заслужить личным участием.

Лиза! Лиза – это отдельная тема. Он всегда чувствовал в этой женщине изъян, червоточинку, но она мать, хоть и с маленькой буквы. У них общие дети, несущие в своих генах смешанную информацию, полученную от её и его предков. Разорвать родственную связь, слишком прочную, применить для этого грубую силу, не хватало духа.

Лиза с первого дня играла Венькой, как кошка мышкой. Её ловкие пальчики и сладкие губы хозяйничали в душе и на теле супруга, ласкали податливые душевные струны, входили в

резонанс с его чувствительным существом, вибрирующим от нежных прикосновений. В такие мгновения она была царицей желаний и богиней страстей.

Сколько ни пытался Венька определить своё к ней отношения, даже после чудовищных ссор, ему нечего было предъявить этой женщине, пока она не перешла окончательного границы приличий, пока окончательно не убедился в том, что Афродита одна, а желающих пить из её недр божественный нектар и терзать податливую плоть – тьма тьмушая. Быть одним из многих, делиться с кем попало, Венька не мог и не хотел. Не мог и всё!

Он бы Лизу не выгнал, так бы и жили. Спать бы с ней не стал, доверять не смог, а жить... пожалуй, да, пока дети не выбрали бы свой личный путь и не выпорхнули из гнезда.

Дети ни в чём не виноваты! Ради них можно вынести даже предательство.

Венька настойчиво искал свою половинку. Искал и не находил.

Женщин было много, но той, единственной, среди них не было. В каждой из тех, кто ему приглянулся, спустя несколько дней или недель обнаруживались не просто дефекты – целые модусы аномалий и мутаций образа мыслей и взглядов на совместную жизнь.

Это были отнюдь не банальные несовершенства. Этого добра в каждом из нас навалом. Женщины искали послушного вьючного ослика Иа, верхом на котором можно уверенно отправляться в дальний путь по долине счастья. Думаю объяснять, что это значит, нет необходимости. Достаточно Вениамину одной Лизы. Вторую такую же Боливар не выдержит.

Венька всё ещё верил в то, что половинка – женщина, рождённая как бы для него, это не единственный весьма редкий экземпляр, что это драгоценные россыпи, которые можно обнаружить где угодно, хоть под ногами; что счастье в этом прекрасном мире заготовлено для каждого без исключения, просто оно застенчивое и робкое.

Оно тебя видит, а ты его по какой-то причине – нет.

Кто-то не туда идёт, другой не туда смотрит, третий слишком медленно двигается, четвёртый... а четвёртый говорит красивые слова, но забывает совершать поступки.

Венька не скитался по колдуньям и ведьмам, не заказывал гороскопы, не перекладывал поиски на друзей и родственников, не рылся в завалах интернета: он реально искал. Искал, пробовал, дарил тепло, но живительную энергию, увы, не желали возвращать, чем-то дорогим и нужным конкретно себе делиться.

Четыре долгих года искал.

Были женщины, которые в первый же день пытались переставить мебель, кому мешали дорогие и памятные вещи, кого не устраивал весь интерьер целиком или цвет обоев, кто сходу пытался занять денег или высказывал идею отправить детей к бабушке.

Кто-то предлагал своё тело через полчаса знакомства, другие отказывали месяцами, ссылаясь на целомудренность (в возрасте под сорок и двух-трёх неудачных браках), третьи загадочно шептали за мгновение до оргазма, что нужно заменить люстру и срочно купить трюмо.

Венька блуждал в лабиринтах человеческих пороков, странных потребностей, инстинктов, эгоизмов и противоречий, а она, женщина-мечта, всегда была рядом.

Почти рядом, в его городе на соседней улице.

Наверняка их пути и взгляды пересекались сотни раз. Возможно, они разговаривали друг с другом, даже прикасались: например в автобусе.

Эта женщина не стреляла глазками, не выставляла напоказ крутые бёдра и упругие груди, не камуфлировала лицо косметикой, не красила потускневшие волосы. Она просто улыбнулась мимоходом, и тут же застенчиво спрятала взгляд, которого хватило, чтобы заставить Венькино сердце биться сильнее.

Когда женщина была приглашена на чай, по причине чего оказалась у него в квартире, первое, что спросила, – Вениамин, а чего вы по-настоящему любите?

– У меня двое детей, – смущённо ответил он, – сами понимаете – не до любви.

– Замечательно, а у меня, представляете – ни одного. Я трижды была замужем, но, ни разу не развелась. Так сложилось. Нас разлучала смерть. Во всех трёх случаях трагическая случайность. Так не должно быть, но так вышло. Можно я за вами поухаживаю?

– Вы в гостях. Неловко перекладывать обязанности гостеприимства на вас. Может быть в следующий раз.

– В следующий раз! У нас будет следующий раз?

– Если пожелаете. Иначе, зачем бы я вас приглашал?

– В следующий раз роль хозяйки за мной. Должна же я показать, чего стою. И не спорьте.

Вы так и не ответили, чего любите.

– Если скажу, что вас?

– Не поверю. Любовь с первого взгляда в нашем возрасте, вам не смешно, Вениамин? Симпатия – да, согласна. Говорят, что сделать выбор можно за несколько секунд, но любовь – это, прежде всего единство целей и полное обоюдное доверие. Ни у вас, ни у меня нет для этого достаточных оснований. Вы – мужчина обаятельный, добродушный, в меру остроумный, в чём я имела повод убедиться. Чтобы начать общаться этих характеристик довольно, но не более того. Я спросила о предпочтениях, о любимых занятиях, о мечтах и целях.

– Люблю детей, музыку люблю, читать, немного сочиняю. Поестъ люблю. Я сам вкусно готовлю, можете удостовериться. Доказательства перед вами.

– Уже оценила. Относительно детей – не обсуждается. Сразу скажу – ненавижу предателей, лгунов, поиски смысла жизни и жалобы. И ещё одно: если решим встречаться дальше – прошлое оставляем в прошлом. Вот прямо сейчас. Смотрите, Вениамин, как это делается. Закройте глаза, представьте всё плохое, когда-либо с вами случившееся. Теперь помещаете весь этот мусор в ладонь и безжалостно стряхиваете в ведро с пищевыми отходами. Открывайте глаза, смотрите на меня.

– Здравствуй, Веня, я Вера. Вера Дмитриевна, если угодно, Колесникова. Годится? Приятно познакомиться, Вениамин, – теперь ты просто обязан быть счастливым. Запомни этот день. Лет через тридцать мы вернёмся к нашему разговору. А про любовь можем поговорить... недельки через две-три. Если не передумаешь.

– А какой у тебя, Верочка, *Modus Vivendi*?

– Это ещё что за зверь?

– Вот и я о том же. Одно знаю – это совсем не про любовь.

Счастье просто так

*не казалось... Боже, что мне казалось...
Как бездумно доверяла я чувству.
А теперь, когда его не осталось,
Как же грустно на душе... как же пусто...
Наталья Спасина*

– Завтра... да, непременно завтра, обязательно буду счастливой. Обязательно-о-о-о буду-у-у! Назло всем буду. И ему тоже. Генке паразиту назло, Марату, Валентине Петровне, мамке – всем-всем-всем, – с протяжным завыванием скулила про себя Ниночка Шпякина, неловко семена на высоченных каблуках вдоль автостоянки магазина низких цен с двумя пакетами красного вина неизвестного происхождения и кусочком дешёвого сыра, с помощью чего она собиралась лечить душевную боль.

– Намою вагон ассигнаций, открою агентство в центре города, найму холёный, вымуштрованный офисный планктон – пусть таскают лично для меня горячие каштаны из обжигающего пламени капитализма. А я... я буду гонять их, как сидоровых коз, и требовать, требовать, требовать. Пусть трудятся, пусть уважают.

А Генку возьму в свою фирму рядовым курьером. Нет, лучше охранником. Буду ходить перед его носом в эксклюзивном наряде от Армани, в коллекционных колготах... от Вулфорд, в дорогущих как шикарная жизнь лабутенах... пусть глаза у паразита на лоб повылазят, пусть до конца жалких дней страдает, что упустил из рук настоящую мечту, жар-птицу.

Я в себя такого мальчика влюблю, такого, такого... закачаешься.

Ну, за что одной мне столько несчастий!

Ниночка жила в современном городе, агрессивно наполненном характерными маркерами процветания и благополучия; в городе, вздрагивающим от вибраций кричащей, показной роскоши; в городе, сосредоточенном на избыточном потреблении с чрезмерно напряжённым ритмом жизни, где нет, и не может быть места старым, бедным, больным, убогим и несчастным людям.

Девушка вон из кожи лезла, пытаясь добиться в жизни хоть чего-нибудь, но таких как она неудачников, бездарных авантюристов, несостоявшихся миллионеров и озлобленных унижительной несправедливостью проходимцев здесь было большинство, что рождало немислимую конкуренцию, доминировать в которой могли лишь свирепые кровожадные хищники, беспринципные приспособленцы, и паразиты с всесильной протекцией из властных коридоров.

В серой толпе вечно спешащих прохожих разглядеть проигравших последнюю ставку в казино капризных судеб было довольно сложно, но если присмотреться, они повсюду – в каждом второго пальцем ткни – не ошибёшься.

Ниночка выглядела по современным молодёжным меркам не шикарно, но вполне респектабельно, тем более что фигурка у неё была скульптурная, точёная, удачно декорированная природными достоинствами и цветущей молодостью, добавляющими облику очарования и соблазнительно-чувственной, можно сказать штучной женственности.

Броский наряд конечно был приобретён не в престижном бутике, как и фирменная косметика, а в подземном переходе, причёску и маникюр делала на дому подружка, но разглядеть фальшивые признаки принадлежности к преуспевающему классу, не зная истинного происхождения магических символов, могли разве что знатоки. Всё одетое на ней кричало – я исключительная, я лучшая!

Работала девушка офисным менеджером в заштатной торговой кампании, где мало кто мог укорениться по непонятным причинам.

Выпускники колледжей приходили, соглашались на сложные конкурсные условия, месяца два без выходных корпели в тесных кабинетах, после чего без объяснения, чем именно спровоцировано решение, увольнялись, так и не завершив победно испытательный срок, без утешительного приза, даже зачастую без выходного пособия.

Ниночка не была исключением.

До заветного зачисления в штат оставались считанные дни, но претендентов на “волшебную вакансию” было больше, чем мух на приклеенных к потолку и на стены липучках.

Основным соперником в этой гонке был Марат Батурин, имеющий талант любые, даже самые казалось бы проигрышные обстоятельства, оборачивать себе на пользу, мимоходом обнуляя заслуги более трудолюбивых и способных конкурентов.

Марат удивительно удачно оказывался в нужное время в нужном месте. Более того, ему благоволила находящаяся в процессе перманентного романтического поиска руководительница отдела, Валентина Петровна – гремучая смесь выдающихся профессиональных качеств разведчика, надзирателя и капризной стервы.

Ниночке категорически не везло по жизни, начиная с родителей – хронических неудачников, заканчивая друзьями-предателями и коварно изменяющими кавалерами, не говоря уже о клиническом, инфекционном каком-то, даже мистическом проклятии в поисках нормального рабочего места с приличным заработком.

В объявлениях о поиске сотрудников и в разговорах счастливиц деньги были, причём безразмерные, бешеные, а стоило к ним приблизиться, как заветные купюры как шагреновая кожа сжимались в размере, превращаясь в прожиточный минимум, а то и вовсе исчезали из зоны доступной видимости.

Только что, буквально сегодня, девушка рассталась с Генкой, который романтическими уловками и циничной хитростью добился, паразит, той степени взаимности, после которой у девушки для него не осталось тайн.

И ведь обманул!

Ниночка поверила в его искренность, даже не предохранялась, а он, – мы, – говорит, – разные с тобой, не судьба нам жить вместе, не судьба любить друг друга. Ага, можно подумать до постели одинаковые были. Замуж звал, скотина, а сам после романтических свиданий к Люське Прониной бегал, пока не соблазнил меня окончательно!

Было бы с кем меня сравнивать – у Люськи-то ни кожи, ни рожи. Всех и достоинств – даёт всем подряд, без разбора. Впрочем, я тоже не ангел. Разлеглась, ноги вверх. Тьфу! Знала бы раньше, кто он такой, за кого меня принимает, ни за что не уступила бы! Я... я ведь любила его, любила! Потому и отказать не смогла. Ничего-ничего, я ему ещё докажу. Да-да, докажу! Пусть только зачислят в штат. Заработаю на машину, на квартиру, на дачу, по три раза в год буду на Бали и в Эмираты летать. Сам прибежит, в ногах валяться будет. Не прощу, ни за что не прощу! И ведь не раскаивается ни грамма, подлец, считает, что дегустировать девственность на вкус – законное право любого самца. Так ведь я не любая!

Наперерез траектории Ниночкиного следования тяжело катил наполненную тележку шикарно одетый мужчина, почти ровесник.

Не обратить на него внимания было попросту невозможно: выражение лица, фигура, походка, внешность – всё изобличало баловня капризной Фортуны.

Девушка невольно залюбовалась способностью Апполона грациозно, легко нести совершенное тело, несмотря на вполне обыденное, совсем не brutальное действо. Ведь мог нанять кого-нибудь, а он сам. В каждом движении – достоинство и лёгкость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.